

18+

Юлия Бельская

ТЫСЯЧА
КИТАЙСКИХ
ЖУРАВЛИКОВ

Юлия Бельская

Тысяча китайских журавликов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57283408

ISBN 9785005125538

Аннотация

Он – преподаватель в университете. Она – студентка. Ему 45 лет, роговые очки, уродливый клетчатый пиджак, классические английские детективы на книжной полке. Ей 22, джинсы, футболки, странная музыка и шумная компания. И еще ее только что бросил парень. А он вообще не женат и не собирается. По крайней мере, не собирался... Потому что не надо помогать молоденьким студенткам справляться с их проблемами на личном фронте! Можно заработать себе головную боль... или обрести наконец счастье? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	63
Глава 5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Тысяча китайских журавликов

Юлия Бельская

Редактор Екатерина Андреева

Корректор Вера Марышева

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Юлия Бельская, 2023

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0051-2553-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я шел по длинным извилистым коридорам родного института и думал, что надо было еще позже приехать: половина восьмого вечера, а народ никак не разойдется. Бесконечно кивая на робкие «Здравствуйте, Игорь Владимирович», я надеялся, что хотя бы на кафедре никого не будет. Говорят, из отпуска надо выходить постепенно. Черт же меня дернул приехать сюда чуть ли не с самолета! Но Пугачев сказал, что собирал целую коллекцию всякой вирусни на кафедральных компьютерах и хорошо бы мне их забрать до начала занятий, пока «эти черти» (студии, значит) не разнесли «заразу» по всему институту. Чтобы они заразу не разносили, чертей надо презервативами снабжать, пошленько пошутил тогда я, на что Пугачев лишь горестно вздохнул: его беременная жена не отдает ему супружеских долгов уже полгода.

И вот первого сентября, в первый полуучебный день, я поднимаюсь по лестнице на кафедру и первое, что слышу, – приглушенные всхлипывания. Этого еще не хватало: на лестничном пролете сидит девчушка с пятого, по-моему, курса, и рыдает. Нашла место и время. Как ее там?

– Громова! Ты что здесь делаешь?

Поднимает заплаканные глаза и хмурится – узнала.

– Громова! Что ты...

– Да слышу... – Она потянулась к сумке. Видимо, за сал-

фетками. – Умираю я тут, Игорь Владимирович. Можно?

Я поморщился: ответ был излишне дерзким, на мой взгляд.

– Можно, конечно. Дурное дело – нехитрое. – Перешагнул через ее ноги и зашел в пустую кафедру.

Пугачев сказал, что вирусы отловлены и запечатаны в архив на его компьютере, и если мне не сложно – не мог бы я обновить антивирусы на кафедральных компах. Мне не сложно. Только компьютеры у нас не шибко шустрые, обновление будет с час скачиваться, и пока суд да дело, решил выпить чаю, но за время отпуска так отвык быть в одиночестве, что надумал позвать в компанию сидящую на лестнице студентку.

– Громова? – я выглянул за дверь.

– Что?

– Ты еще не умерла?

– Ну, так...

– Если «так», то поднимайся на кафедру.

– Зачем?

– Затем, что на лестнице твой труп будет мешать проходу, а тут я его в шкаф какой-нибудь затолкаю.

Через пять минут, затравленно озираясь, она зашла на кафедру.

– Чай будешь?

– Угу, – неуверенно кивнула.

– Тебе с лимоном?

– Кхм... да.

– Коньяку плеснуть?

Девочка распахнула глаза и, кажется, даже покосилась на дверь.

Я засмеялся.

– Громова, расслабься. Мне антивирусы надо на компах обновить, а это дело не быстрое при нашем вай-фае, и одному мне тут скучно сидеть.

– А коньяк-то зачем? – она посмотрела на меня с подозрением, забавно сощутив глазки.

– Чтобы не простыла после сидения на холоде. Да и язык тебе развязать, – я подмигнул и щедро плеснул коньяка из подарочных запасов заведующего кафедрой в ее кружку. – Себе не буду, ибо за рулем. Садись.

Катя (я таки вспомнил ее имя) осторожно села напротив меня, взяла кружку с чаем двумя руками и замерла, печально вздыхая. Воспользовавшись моментом, я запустил скачиваться обновления.

– Ну?

– Что ну?

– Рассказывай, из-за чего умирала.

Она судорожно вздохнула.

– Да, в общем-то, и рассказывать нечего.

– Конечно, что там рассказывать? Рассталась с парнем.

– Откуда вы знаете? – Она с таким искренним удивлением на меня взглянула, что я не сдержался и фыркнул: о боже,

секрет полишинеля!

– А с чего бы тебе еще рыдать на лестнице в полупустом институте первого сентября?

– М-да, логично... Понимаете, он такой...

И понеслась.

Я оказался отличным слушателем. Не перебивал, в положенных местах одобрительно кивал или бормотал «Ах, негодяй!», задавал правильные вопросы и вообще делал все, чтобы девочка осознала – мне действительно интересен этот бред. А еще подливал чая. С коньяком.

«Он такой...» История до ужаса банальна: влюбилась в одногруппника, сначала якобы дружили, потом начали встречаться, сегодня расстались. Я слушал сопли по поводу этого парня, силясь вспомнить, как он выглядит, и незаметно рассматривал девочку. Внешность стандартная: темные густые волосы, какого-то там цвета глаза, но обаятельная улыбка и чистая, шелковистая на вид кожа. Губы. Губы невероятно аппетитные, а девочка постоянно неосознанно проводит по ним языком, слизывая капли чая... Чарующе, надо отметить. Фигура? Тоже вроде ничего, но спрятана под мешковатыми джинсами в стиле «милитари». Бр-р. Середнячок. И по успеваемости, кстати, тоже. Зато ноги длинные, это да. Я даже невольно представил, как бы они, обнаженные, смотрелись на моих плечах...

Через два часа антивирусы на всех компах кафедры обновились, а мы давно сменили тему и обсуждали мой отпуск,

из которого я буквально сегодня утром вернулся. «Как вам не стыдно быть таким загорелым? – возмущалась она, наплевав на субординацию. – Мне вот в этом году пришлось отдыхать только в средней полосе России!» – «На даче, что ли?» – «Ага!» Я показал на компьютере фотографии, а поскольку сам их видел впервые, случались казусы. Например, фотография моя в полный рост в одних плавках вызвала у девочки неподдельный восторг: «Это вы?! Боже мой, Аполлон...» Я даже смутился. А еще она увидела Олеську.

– А кто эта молодая барышня рядом с вами все время мелькает? Дочь?

Я загадочно промолчал.

– Не дочь?! Игорь Владимирович! – Громова укоризненно покачала головой.

– Что, Катя?

– Если не дочь, то...

– Именно «то».

Она присвистнула, я пожал плечами. Да, молодая любовница.

– Кхм... Стесняюсь спросить... А ей восемнадцать-то есть?

– По-моему, ей за двадцать. – Я нахмурился. А сколько Олеське лет-то? Кажется двадцать четыре? Или пять?

– Угу... Значит, вы ее старше... на сколько? Лет на сорок?

– Громова! – Я швырнул в нее фантиком от конфеты. Поганка какая! – Сколько мне лет, по-твоему?

– Ну-у... Шестьдесят?

– Дура ты пьяная.

– А вы растлитель малолетних! – Она сделала вид, что листает Уголовный кодекс РФ. – Где у нас тут статья-то?

Я засмеялся и отвернулся к компьютеру. В этот момент в Катинной сумке запиликал мобильник.

– ...Мамуль, мы тут... празднуем. А время... десять?! Ужас какой... Ладно, я скоро буду... Нет, такси поймаю для скорости.

– Да, заболтались мы с тобой. – Я убирал со стола кружки, фантики из-под конфет и прочий мусор, уже понимая, что девочку придется везти домой, ибо отпускать ее одну в таком состоянии – не по-джентельменски. Надеюсь, она живет хотя бы в пределах МКАДа.

– Я никогда не уходила из универа так поздно. Уже проходные все закрыты, наверно, как мы выходить будем?

– Через окно на первом этаже, а потом перелезем через забор.

Катя с сомнением на меня посмотрела. Видимо, представила, как я буду подсаживать ее на забор, а потом и сам через него перелезть. Или перепрыгивать с шестом. Дуреха.

– Катя, не тупи. Институт у нас, к твоему сведению, круглосуточный.

– Господи, да что тут можно делать круглые сутки?

Она осеклась, а я с каким-то стариковским сожалением подумал, что нынешняя молодежь совсем не хочет учить-

ся. Вспомнил, как в молодости мы с друзьями, которые сейчас в большинстве своем имеют научные звания, до рассвета засиживались на кафедре этого университета, который я по старой привычке до сих пор называю институтом, разбирали интересные задания, споря до хрипоты о политике, искусстве, запивая все это дешевым вином и мня себя невозможными диссидентами... М-да. Катя, осознав, что брякнула что-то лишнее, быстро добавила:

– Жалко, освещение у нас не круглосуточное.

– С этим да, проблемы, – я сделал вид, что ничего зазорного не услышал, громыхнул дверью кафедры, и стало совсем темно. – Давай руку, а то навернешься на лестнице.

– Н-нет. Я сама. По стеночке.

– Ты стесняешься, что ли?! – Я схватил ее руку и потащил к лестнице.

– Ну, мало ли. Напоили...

Я ухмыльнулся.

– Напоил, и что? Боишься, совращать тебя буду?

– Не боюсь, а надеюсь! – Катя захихикала своей пьяной шутке, а я резко развернулся, притянул ее к себе и, почти касаясь губами ее уха, страстно прошептал:

– Со студентками романов не завожу. – И потащил ее дальше. – Тем более ты не в моем вкусе.

Девочка несколько секунд приходила в себя, потом обижено пробормотала:

– Почему это я не в вашем вкусе?! В смысле... не то чтобы

я на роман с вами напрашиваюсь...

– Выглядит именно так.

– Неправда! Просто интересно.

– Мне не нравится, как ты одеваешься.

Она машинально посмотрела, во что одета.

– Женщина, Катя, всегда должна одеваться так, будто в любой момент может встретить своего бывшего любовника, – я помолчал, – или будущего.

– Какой вы, однако, знаток женской психологии. А сами одеваетесь черт-те как.

Я удивленно вскинул брови. Ну да, я из отпуска. Без костюма-тройки. Но одет вроде прилично: майка поло, хлопковые брюки и... что там у меня на ногах?

– Брюки хлопковые, поэтому такие мятые.

– Это лен.

– Пусть лен.

– Я про ваш неизменный пиджак, который занимает одно из первых мест в студенческих байках. Он просто ужасен. И очки.

Я на автомате поправил очки и улыбнулся. В общем-то, она права: в институте я всегда ходил в одном и том же клетчатом пиджаке, уродском-преуродском, но пятнадцать лет назад мне казалось, что в нем я выгляжу солиднее. А потом он стал чем-то вроде визитной карточки. Как и страшнейшие роговые очки, которые когда-то носил чуть ли не весь преподавательский состав нашего вуза.

Признаться, в таком комичном виде я хожу только здесь, в стенах института. Как только занятия заканчиваются, вешаю пиджак в шкаф на кафедре, меняю очки и на работу уже еду вполне цивилизованно одетым.

– Очки теперь будут эти. Роговые я потерял.

– Туда им и дорога.

– Громова, ты хамка!

– Почему я хамка? Вы сказали, что я некрасивая, а я лишь ответила, что ваш пиджак ужасен.

– Я не говорил, что ты некрасивая, не передергивай. А пиджак и очки... Скажем так: это часть образа.

– Зачем вам такой неприятный образ?

Я пожал плечами.

– Сравни, как вы относитесь к Аксенову и как ко мне.

Катя задумалась. Аксенов Андрей Витальевич преподавал компьютерную графику и был примерно одного со мной возраста, но одевался как тинейджер: кроссовки, какие-то немыслимые футболки с логотипами музыкальных групп. Отношение к нему было соответствующим – панибратское. А меня они боятся. И уважают.

– «Встречают по одежке», помнишь? Может, кому-то больше нравятся девушки в... – я окинул девочку взглядом, – летных комбинезонах. А я банален, поэтому мне нравятся на женщине юбки, платья, каблуки.

– Фу. Типа нашей секретарши на кафедре?

– Нет, конечно. У Натальи отличная фигура, но она ее

стесняется. Все-таки на кафедре постоянно толчется с десятков мужчин-преподавателей, а в сессию еще и стадо половозрелых бычков-студентов. Тут поневоле в мешок завернешься.

– Пожалуй, в такой ситуации, как у нашей секретарши, надо либо очень хорошо выглядеть, либо никак.

– Да, ты права.

– Но вы все-таки не надевайте тот пиджак.

– Без него я тебе больше нравлюсь? – я хитро улыбнулся, а Катя вновь смутилась.

Какое-то время шли по институту молча. Горело только аварийное освещение – темновато, конечно, но можно идти, не натыкаясь на стены. Но девочка крепко держала меня за руку. Да и мне, признаться, не хотелось отпускать ее теплую ладошку – давно я вот так, за руку, ни с кем не ходил.

– У меня всего одна юбка, – сказала Катя разочарованно. – Марку нравилось, как я выгляжу в широких джинсах.

– Я бы тоже тебя только в брезентовых штанах из дома выпускал.

– Почему?

– Ноги потому что красивые. А ты учишься в техническом вузе, где процент женского населения ничтожно мал.

Громова опять густо покраснела от такого ненавязчивого комплимента, и мне почему-то стало ее жалко. Неужели сейчас молодые люди совершенно не говорят комплиментов девушкам? Как зря. Вот простой пример идет рядом со мной:

сказал-то всего пару фраз – а она уже дышит в два раза чаще. На улице уже стемнело, воздух был свежим и прохладным после дождя. Я посмотрел по сторонам, прикидывая, как обойти ремонтные работы, развернутые перед институтом.

– Так... Там мы не пройдем, там канаву вырыли... Ага, вон там, кажется, тропинка. – Я опять взял Катю за руку, которую выпустил, когда открывал перед ней дверь, но девочка вывернулась.

– Мне не к метро, я на такси поеду.

– Громова, какое такси? В таком состоянии я тебя не отпущу. Пошли, я тебя довезу.

– На чем довезу? – Она еще ничего не понимала, но уже послушно за мной семенила.

– М-да... Надо взять на заметку, что тебе больше трех рюмок коньяка не наливать. Даже в чай. На машине довезу, балбеска пьяная!

– На машине?! Но вы же всегда на метро ездите!

– Я?! С чего ты взяла?

– Ну... вас часто видят идущим от метро.

– Не от метро, а от... под ноги смотри! – Катька споткнулась о какую-то арматуру, но я рывком поставил ее на ноги. – От перекрестка. Там, за отделением полиции, стоянка платная. Я на ней машину оставляю.

Дальше было не до разговоров: обойти огромный институт, почти по всему периметру окруженный стройкой тонне-

ля, оказалось тем еще квестом.

У отделения полиции я ее оставил, строго-настрого наказав стоять тихо, ни с кем не разговаривать, конфеты у чужих людей не брать. Она недовольно буркнула, что «вообще-то уже протрезвела!», но стоять осталась, где было сказано. А я пошел на стоянку. Интересно, как девочка отреагирует на машину? У меня «Порше Кайен» – дорогая и бестолковая машина. Одни понты. До сих пор не понимаю, в каком бреду ее купил. Пока прогревался, позвонил Пугачев и слезно попросил заменить его на завтрашней паре у пятого курса. Лекция в восемь утра вообще никак не входила в мои планы, но с другой стороны – пораньше приеду в офис. Катя сидела на каменной клумбе возле входа в отделение полиции и смотрела на мою машину с каким-то едва уловимым презрением. Я коротко посигналил – она отвернулась.

– Громова, – крикнул я в окно, – надеюсь, ты не ждешь, что я тебе дверь открою?

Реакция была ожидаемой: удивление пополам с восхищением. Приятно.

– Это... ваша... ваше авто?

Я не ответил, нетерпеливо барабанил пальцами по рулю.

– Я пешком, – Катя решительно развернулась в сторону метро.

– Катя, ну что за ясли? Садись уже, поехали!

– А вдруг испачкаю? Мы же по стройке шли и вообще.

– Так, Громова, либо ты садишься, либо я тебя швыряю

в багажник и поедешь там!

Девочка обошла машину, пошаркала ногами по асфальту, чтобы счистить с кроссовок грязь, вытерла ладони о джинсы и открыла дверь.

– А танец с бубнами?

– В следующий раз, – буркнула она.

– Можем ехать?

– Она еще и ездит... – Катя картинно потеряла сознание, я довольно усмехнулся. А много ли мне надо для удовольствия? Чтобы молодая девушка восхитилась машиной.

Катя продиктовала адрес, и я с облегчением понял, что живет она в десяти минутах езды от меня, если без пробок. Пока она любовалась салоном машины, крутила головой по сторонам и аккуратно, чтобы не оставить следов, касалась обивки и панели пальчиками, я прикинул маршрут и задумался, строя планы на завтрашний день. Если не задерживаться после лекции, то в офис попаду часам к одиннадцати... Так, не забыть бы бумаги для налоговой захватить. Вера сказала, что еще одна поставка намечается, значит, надо проверить, как... Я оглянулся на пассажирку и мысленно закатил глаза. С такой выразительной мимикой ей можно было родиться немой. Вот как пить дать, сейчас думает, откуда у меня «Порше».

– Катя.

Девочка вздрогнула.

– Что?

– Спроси вслух, а то тебя сейчас разорвет на куски.

– Ну... – она замялась. Значит, точно про машину думает. – Это слишком интимные вопросы.

– Все твои интимные вопросы, – я махнул рукой парню на «Мазде», пропустившего нас в поворот, – написаны у тебя на лбу. Но мне неудобно их читать, не отвлекаясь от дороги.

Катя совсем по-детски набрала в легкие побольше воздуха и скороговоркой выпалила:

– Откуда у простого лектора мог взяться «Порше Кайен»?

– Как ожидаемо. Я не простой лектор.

– Откуда у не простого, но скромного лектора мог взяться «Порше Кайен»?

– Ответ «Купил в автосалоне» тебя не устроит?

– Устроит. Но породит множество новых вопросов. Множества... Подмножества... Множества множеств...

– Боги, что я слышу?! – я хлопнул руками по рулю. – Ты знаешь целых четыре слова из моего предмета! Это за четыре года лекций. Я поражен. А определения знаешь?

– Вы уходите от темы, – Катя напряглась. Конечно же, ни хрена она не знала, иначе бы нормально зачеты сдавала. Даже не понимаю, откуда у нее эти слова всплыли.

– Так, Громова. Выучишь основные понятия теории множеств – расскажу, откуда у меня деньги на машину.

– Блин, – она отвернулась к окну. – Не очень-то интересно. Взятки, наверно, берете.

Я даже поперхнулся от неожиданности. Резко вдавил пе-

даль тормоза, ударил ладонью по кнопке «аварийки» и развернулся к ней.

– Это очень серьезное обвинение, девочка! – Меня затрясло от негодования. – Я никогда не брал и не давал взятку. Да, эта машина очень дорогая. Но куплена на заработанные деньги. Заработанные *мною* деньги, поняла?

Мы стояли на перекрестке прямо под светофором. Желтые отсветы мерцали на ее лице, и я заметил мокрые дорожки на щеках. Ну вот.

– Катя...

– Я поняла, – она резко отвернулась к окну.

Я поморщился. Надо было что-то сказать, но в голову ничего не шло. Я выключил «аварийку» и тронулся. До самого дома никто не сказал ни слова.

– После... кхм... – Ее голос охрип после долгого молчания и сдерживаемых слез. – После светофора – направо.

Я послушно завернул, припарковался у подъезда и заглушил двигатель.

– Прости. Я...

– Не извиняйтесь. – Она вытерла рукавом ветровки остатки слез и повернулась ко мне. – Это действительно серьезное обвинение. Я не должна была...

У меня сжалось сердце.

– Ты плачешь?.. – Я протянул руку и коснулся ее щеки. Кожа была нежной, как шелк, сразу захотелось прикоснуться к ней губами. Катя закрыла глаза, но в следующий момент

отшатнулась. – Мне пора!

Я убрал руку, и ощущение солнечного тепла исчезло.

– Можешь выполнить одну мою просьбу? Не распространяйся о сегодняшнем вечере. И обещаю, что в следующий раз честно отвечу на все твои вопросы.

– А следующий раз будет?

– А ты хочешь?

В ее глазах плескалась надежда пополам с сомнением. Она кусала губы, не зная, что ответить, и не понимала, что все уже и так ясно, девочка!

Я не стал дожидаться окончания ее внутреннего монолога, вышел из машины, открыл дверь и подал руку. И всего-то на секунду дольше задержал взгляд на ее губах, чуть крепче, чем следует, подержал ладошку, и вот уже яркий румянец озаряет ее щеки, сбивается дыхание.

– Эм-м... Мне пора...

Я кивнул. Но руку не выпустил и с пути не отошел. Пауза. Как писал Моэм в «Театре»: взял паузу – держи до конца.

Катя не выдержала первой:

– Слушайте, ну хватит! Я и так уже почти влюбилась.

Я засмеялся.

– Спасибо за прекрасный вечер! – Легко ее приобняв, поцеловал в щеку и сел в машину.

Вечер и вправду был замечательным, а легкий флирт добавил ему особого шарма, но все же не стоит продолжать эту игру дальше: встречаться с собственной студенткой – нет,

НИКОГДА.

Глава 2

Я проспал. Собрался, как по тревоге, даже кофе выпить не успел, проснулся, уже подъезжая к стоянке у полиции, но на пару успел.

В аудитории привычный бедлам, на сей раз – с дирижером: перед доской стоял парень из третьей группы; в момент, когда я вошел, он поднял руки, призывая народ к тишине.

– Так, все заткнулись! Итак, Громова. Кто тебя подвозил на «Кайене»?

Я посмотрел на аудиторию и поймал взгляд Кати. Она смущенно улыбалась.

– Игорь Владимирович.

– Да ладно! – парень всплеснул руками. – Кольцов ездит на «Порше»?!

– Нет, Карен... Кольцов стоит сзади тебя.

Он круто развернулся.

– О... Игорь Владимирович... – Он протянул мне руку для пожатия. – А мы тут... Представляете, Громову кто-то от ментуры на «Кайене» подвозил! В одиннадцать вечера!

– Я слышал. Садись на место. Только вместо того, чтобы выяснять, кто ее подвозил, спросили бы лучше, что она у отделения полиции в столь поздний час делала.

Студенты заржали. Катя залилась краской и потупила глазки.

Дав народу пару секунд посмеяться и обсудить варианты деятельности Громовой у ментуры «в столь поздний час», я кивком головы вернул внимание.

– Ребят, у вас сегодня небольшие изменения в расписании: сейчас будет лекция у меня, а «электротехнику» Илья Борисович прочитает вам завтра... Но вам ведь все равно?

Им было все равно.

– Тогда начнем. Сегодня мы поговорим с вами о циклических группах. Напомню, что...

* * *

– Верочка, кофе! – поздоровался я с секретаршей, влетая в офис. – И будем составлять расписание.

Поскольку, помимо своей основной работы, я еще читаю лекции у четырех курсов в институте, раз в полгода приходится составлять четкое расписание моего присутствия как в офисе, так и в институте.

– Вам обзвонились из «Артеса». – Вера поставила передо мной кружку дымящегося кофе и продолжила зачитывать, кто звонил. Интересно, она за все две недели сейчас отчитается? Я сделал глоток кофе и мысленно застонал от удовольствия. Верочка очень старательная. Пять лет назад, когда она пришла устраиваться к нам секретарем, она ничего не умела: к факсу подходила не с той стороны, на телефоне путала кнопки, из-за чего часто сбрасывала звонки, а системный

блок компьютера уважительно называла «процессором». Зато кофе варила просто потрясающий. А всему остальному легко научилась в течение пары месяцев.

– ...остальные документы исправлены, вам нужно их подписать, и завтра я отправлю их с курьером в банк. Игорь Владимирович, вы меня слушаете?

Я кивнул, хотя практически ни черта не услышал, и достал из портфеля сувенирную ракушку.

– Верочка, это тебе! Специально вез из Испании.

Конечно, наврал. В Испанию мы съездили с Олеськой буквально на три дня, и там не до сувениров было. Но Верочка, при всей своей дотошности, не смогла бы отличить раковину из Средиземного моря от раковины из Черного. Она смущенно ахнула и зарделась. Ну что ты, такая мелочь! Иногда я очень жалею, что в список моих дурацких принципов входит табу на интрижки на работе. А то мы бы с тобой...

Работы действительно было валом. Едва успев составить расписание, я повис на телефоне, одновременно пытаясь отвечать на электронные письма и подписывать документацию, подсовываемую Верой.

Моя фирма занимается реализацией продуктов 1С, а в качестве дополнительного бонуса мы разрабатываем антивирусное ПО, работающее непосредственно с 1С-ом. Ни в десятку, ни в сотню, ни в тысячу «Самых Успешных Компаний по мнению Forbes» мы не входим, но доход от фирмы достаточно стабилен и высок для того, чтобы я мог позволить ку-

пить себе дорогую распальцованную машину, не урезав при этом премии у сотрудников.

Один из огромных плюсов моего офиса в том, что он находится в непосредственной близости от института, преподавание в котором я никак не могу бросить. Ну, никак не могу. Денег это ремесло приносит копейки, времени отнимает много, а уж про силы моральные, особенно в сессию, просто молчу. Год за годом читаю практически одно и то же абсолютно одинаковым, вызывающе тупым студентам и трогательно глупеньким студенткам. Разве что игрушки-побрякушки типа мобильных и ноутбуков у них становятся навороченнее и способы списать на экзамене – техничнее. Но бывает, что в этом стаде баранов вдруг находится действительно понимающий, талантливый человек, задающий правильные вопросы и грамотно решающий задачи. Который действительно интересуется моим предметом и учится по собственному желанию, а не по указке родителей. Тогда я испытываю почти физическое удовольствие, сравнимое, быть может, с выращиванием цветка из семечки. Жаль, что таких «цветов» всего два-три на курс. Но это стоит того, поверьте.

* * *

Я сидел на кафедре, лениво разбирая новостную подписку в почте, и как мог боролся со сном – Олеська этой ночью ме-

ня просто изъездила. В каком-то своем женском глянце она вычитала, что секс – отличный способ похудеть, если применять определенные «фитнес-позы». Теперь у меня болит все тело, с трудом поворачивается шея, и еще я, кажется, потянул спину. И я так и не придумал, как сообщить ей, что хочу расстаться.

Со скрипом поднявшись со стула, я ногой распахнул дверь.

– Наташ, распечатай мне, пожалуйста... А... Громова?

У стены стояла девочка. Еще чуть-чуть, и я убил бы ее дверью.

– Что распечатать, Игорь Владимирович?

– А... Да, – я протянул Наташе флешку. – Там файл, «Статья» называется. Распечатай, пожалуйста... Ты ко мне?

Катя кивнула.

– Ну, проходи.

Я дал секретарю еще какие-то указания насчет печати статьи, затем прикрыл дверь и присел на край стола. Катя садиться не стала. Выглядела она замечательно: сарафанчик, туфельки. Не студентка техвуза, а нимфа лесная. Прислушалась к моим советам?

– Привет.

– П-привет.

– Выглядишь просто потрясающе.

Она скривилась, пытаясь изобразить улыбку, и буркнула в ответ что-то благодарное. Увидев в ее руках зачетку, я

тут же понял, зачем она пришла, и приготовился к представлению. Дело в том, что еще летом ко мне подходил декан нашей кафедры Медведев и, запинаясь, сказал, что проставил кучке студентов мой зачет. В обход меня. Некрасиво, конечно, но «ты бы знал, каким они меня коньяком опоили, словочи!». Догадываюсь. Но одна девочка-раздолбайка забыла зачетку, и, если она придет и будет клянчить зачет, чтобы я не особенно над ней издевался. Оказывается, девочка-раздолбайка – Громова. Что ж, «особенно» не буду.

Катя нервно постукивала зачеткой по ладони, и было видно, что ей вся эта ситуация ужасно неудобна. Еще бы!

– П-понимаете, тут такое дело... с вашим зачетом...

Ну-ка, ну-ка! Я ухмыльнулся:

– И какое же дело с моим зачетом?

– Я сейчас ходила к Звягину за печатью для зачетки... ну, печать о том, что сессия закрыта... И оказалось, что...

– Что?

– Ну... Что в «амбарной книге» зачет стоит, у меня в зачетке нет...

– Чудовищно! – Я скрестил руки на груди. – И что же ты будешь делать?

И впервые за нашу сегодняшнюю встречу она посмотрела мне в глаза. И поняла, что я все знаю. И мне просто любопытно, как она будет просить. И осмелится ли.

Лицо ее посветлело, она улыбнулась и перестала трястись.

– В общем-то, зачет – это предлог. Просто хотела вам по-

казать, как замечательно сегодня выгляжу.

Ох, и ни фиги себе, какие мы дерзкие! Я был разочарован.

– И это все?

– Да.

– А что же с зачетом?

– А что с ним?

– Ну, его же нет в зачетке.

– Почему же? Есть! – Катя открыла зачетку на первой попавшейся странице и помахала ею в воздухе.

– Откуда же он там взялся, если ты его не сдавала?

Я почти услышал, как она мысленно ругнулась.

– Что ж, – я вздохнул, – повторюсь, ты прекрасно сегодня выглядишь. – И указал рукой на дверь.

Катя опять улыбнулась, на сей раз с легким налетом итерики, и направилась к двери, но когда проходила мимо, я схватил ее за локоть и отобрал зачетку. Она высвободила руку, потеряла предплечье.

– Больно? – сухо спросил я, доставая ручку из внутреннего кармана пиджака. – Извини.

– Не надо... – прошептала девочка, глядя, как я пишу название предмета.

– Ты же за этим пришла? Проставить зачет, который мне не сдавала. Который вообще не сдавала.

Я расписался, спросив, какое число ставить. Убрал ручку, протянул зачетку.

– Не люблю, когда мне врут. Свободна.

Она вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь, а я досадливо пнул стул. Стало противно. Черт, ведь просто до дома доvez, и тут же – проставь зачет на халяву. Ну, приди ты, расскажи все честно, нет! Надо из себя скорчить хрен знает что.

Как остальные это терпят?! Тот же Голубев – кажется, на каждом курсе факультета трахнул как минимум трех студенток при условии, что их обычно и так четыре-пять штук на поток. Неужели он им теперь просто так оценки проставляет? Я старый, наивный мудака.

Пока ходил заваривать себе растворимой кофейной бурды, пришел Дима и предложил разобраться с бумагами о сдаче нашего зачета за прошлый семестр, решив, видимо, окончательно испортить мне настроение.

Дима – один из моих «цветов». Доставал, помню, на лекциях – страшное дело! Въедливо вникал в каждую тему, каждую формулу заставлял доказывать по несколько раз с разными условиями. Зато окончил институт с алым дипломом и вернулся преподавать. Теперь мы в связке: я читаю лекции, он ведет семинары. Он еще и мой тезка – Кольцов, что породило наши с ним клички: Старший и Младший. И, кажется, мы еще неплохо отделались...

– ...Но вот что странно, Игорь Владимирович, – он протянул мне какой-то список, – студенты, выделенные маркером, зачет мне не сдавали, а он проставлен в «амбарной книге», я проверял. Но, помнится, вы на тот момент уже ничего не принимали, значит...

Господи, подумалось мне, и ведь не в лом такой хроновиной заниматься. Хотя, если не ему, так мне пришлось бы во всей этой макулатуре копать. Маркером были выделены именно те поганцы, которым зачет проставил Медведев. Пока я соображал, как отбрехаться, в дверь кто-то постучался.

– Войдите.

В кабинет вошла Катя. Младший радостно вскрикнул.

– О, Громова! Ты-то нам и нужна!

– Зачем? – хором спросили мы с девочкой, переглянулись и отвели глаза.

– Я тут на днях проверял свои записи и обнаружил, что у меня нигде, – он выделил слово «нигде», – не отмечено, что ты сдала зачет. Однако в ведомостях отметка о сдаче есть. Как ты это объяснишь? Как объяснишь это ты и... – он порылся в бумагах на столе, выудил какой-то исчерканный лист и зачитал: – Карен Геворкян, Антон Малахов, Марк Мельников и Мария Назарова.

– Я именно по этому вопро...

– Они сдавали мне, – устало перебил я, пока она не наболтала лишнего. – А я забыл это отметить. Дело было после пьянки... в смысле празднования дня рождения Медведева, Николая Игоревича, и в этом бардаке я не нашел наши с тобой списки. Потом забыл.

– Ага... – Младший если и не поверил этой истории, то хотя бы сделал вид. – Что ж, тогда...

– Дим, давай мы с тобой завтра разберем всю эту макула-

туру. Сейчас совсем не до этого.

– Да без проблем! – Дима сгреб бумажки в свою сумку, бодренько закинул ее на плечо и, чуть ли не насвистывая, умчался на пару.

Мы остались вдвоем.

– Что тебе еще проставить? – Я потер покрасневшие от недосыпа глаза.

Катя села на место Младшего.

– Вы устали... – сочувственно протянула она.

– Очень... День на работе был тяжелый. Еще и ты с этим идиотским зачетом.

– На работе?

– Ты ведь не думаешь, что преподавательская деятельность – моя основная работа?

Она не стала отвечать. Потупив глазки, ковыряла ногтем дырку на моем столе.

– Простите меня.

– За что?

– Я вас обманула... с зачетом. Мы его не сдавали. Нам Медведев все подписал, а я в тот день зачетку забыла. А сейчас Звягин увидел пустую графу и послал меня к вам. Выдавать ребят нельзя, вот я и попыталась... Даже не знаю, чего я пыталась.

Я тоже не знал, чего она пыталась, поэтому молчал, пока она что-то лепетала себе под нос.

– Теперь ты понимаешь, почему я не завожу романов

со студентками? – резко перебил я. – Чего молчишь?

– Да поняла я, поняла! – Катя картинно сделала вид, что в отчаянии бьется головой об стол. – Нет мне прощения, ду-ре неразумной, что просила у вас зачет проставить! Я ничто-жество! Стоило начать общаться чуть ближе, чем «здрасьте» перед лекцией, как я тут же стала вас использовать в своих гнусных целях.

– И что же это за гнусные цели?

– Ну как... Порабощение мира, конечно же.

– И вселенское господство.

– И вселенское господство. Вы со мной? – она подняла на меня хитрые глазки, я не выдержал и засмеялся. Хулиган-ка! Воздух перестал трещать от напряжения.

– Медведев меня предупредил, что вы... скажем так: сда-ли зачет ему. А еще предупредил, что раздолбайка Громова зачетку забыла. И чтобы я не удивлялся, когда она придет и будет, ломаясь и смущаясь, выклянчивать зачет.

Катя захныкала:

– То есть весь этот цирк был, просто чтобы помучить ме-ня?

– Весь этот «цирк», Катя, – жестко сказал я, – был для то-го, чтобы ты поняла: во-первых, не надо мне врать, а во-вто-рых, не надо использовать в корыстных целях. Даже если мы будем общаться чуть ближе, чем «здрасьте» перед лекцией, это не значит, что я буду проставлять тебе халявные оценки. Тебе пора на семинар.

Она кивнула и нехотя поднялась со стула.

– И еще. – Я подошел к ней и почти по слогам сказал: – Никогда вот так, – я помахал ведомостью, забытой Младшим, – больше не делай.

Катя быстро-быстро замотала головой.

– Отдай Мла... Дмитрию Анатольевичу. – Я протянул ведомость и сел обратно к компьютеру. Аудиенция закончена.

Девочка выскользнула из кабинета, и в этот момент у меня зазвонил мобильный. Олеся.

– Зайчик!

Я закатил глаза – ненавижу, когда она меня так называет.

– Привет, Олесь.

– Ты грустный! Как себя чувствуешь?

– Отвратительно! И если ты намекаешь на то, чтобы продолжить свои «тренировки», это не ко мне.

– Ну, во-от, – обиженно протянула она. – Найду себе другого зайчика, будешь знать!

– Без проблем.

Олеся проглотила мое «без проблем», хотя наверняка ей было неприятно.

– Ну, кто такой бука? Хочешь, я приеду и сделаю тебе массаж?

– Угу. Прямо в институт приезжай.

– Могу и в институт. Помнишь, как мы на твоём столе...

– Помню! – перебил её я, проведя пальцами по этому самому столу, на котором мы душевно «проскакали» пару ки-

лометров в первый Олесин визит в институт. В паху предательски потеплело.

– А с фитнес-позами не будешь приставать?

– С позами буду. С фитнесом – нет.

Я сдался, и хотя меня мутило от мысли, что надо заехать домой, пересесть на старенький «Мерс» – о «Кайене» я благодарно помалкиваю, потом ехать за Олеской на другой конец города... Желание сладко провести этот вечер пересиливало всякую лень.

Но вечер прошел не так, как я планировал.

Едва у Олески выровнялось после оргазма дыхание, она уютно устроилась у меня на груди и спросила:

– Что ты думаешь насчет того, чтобы я к тебе переехала?

– Зачем? – опешил я.

– Ну, мы встречаемся уже полгода. В отпуск вот вместе съездили... Я подумала, что, может, нам уже... – она потерлась носом о мою щеку, – перейти, так сказать, на новую ступень отношений?

– Олесь, если мы съедемся – это уже будет гражданским браком. А я не готов ни к гражданскому, ни к официальному, ни к какому-либо еще браку.

– Игорь, ну что значит «не готов»?! Тебе уже под полтинник, а ты все еще не готов!

– Во-первых, мне еще сорока пяти даже нет. А во-вторых... Да, все еще не готов! – Я повел плечом, скидывая Олеску, встал с кровати и распахнул окно – разговоры о се-

мье и браке всегда вызывали у меня ощущение духоты. –
Может, я вообще не создан для семьи?

– Все созданы для семьи. А уж тебе – сам Бог велел.

– Чем это я так выделился?

Олеся перевернулась на живот, нарочито оголив аппетитную часть тела, и, зазывно улыбнувшись, сказала:

– Генофонд у тебя... – она скосила взгляд на мой «генофонд», – шикарный!

Глава 3

Смех смехом, но заявление Олеськи, что нам надо съехаться, изрядно меня напугало. И ладно бы она, увидев мою реакцию, мудро затаилась – хрен! Она наоборот утроила давление! И пусть это проговаривалось вскользь, незаметно, полунамеками, шутками не в тему, факт оставался фактом: Олеся захотела определенности, и теперь каждая наша встреча заканчивалась ее нытьем, мол, когда мы будем жить вместе? Спустя месяц морального прессинга я был на грани.

Нужен был совет.

– Женись.

– Бросай ее на хер.

– Отличные вы, блин, советчики!

Вик с Аней засмеялись.

Мы сидели в моем кабинете после рабочего дня и обсуждали ситуацию с Олесей. Точнее, я в панике мерил кабинет шагами, а они смотрели на меня, как на льва в клетке, и стебались.

– Ладно, давай взвесим все «за» и «против»! – рассудительно сказала Аня, поудобнее устраиваясь на диване рядом с мужем. – Первое «за»: ты, наконец, остепенишься и перестанешь трахать все, что движется.

– Ань, я, между прочим, не такой кобель, каким ты меня лестно выставляешь. Но и остепеняться, как ты выразилась,

не хочу.

– Игорь, семья – это не так страшно, как тебе кажется, – Вик поцеловал Аньку в макушку, – там миллионы плюсов.

– Еще бы ты сказал обратное! – едко заметил я.

– Семья – это ответственность за других и...

– А я безответственная скотина!

– Дело не в этом. Хотя – да, ты безответственная скотина.

– Вик, уйми жену.

– Ань, он не безответственная скотина. Он просто боится.

– Я не боюсь!

– Ага-ага.

– Ладно, не так: я боюсь семьи с Олеськой.

– А-а, – протянули ребята хором, – так бы сразу и сказал.

Конечно, надо расходиться.

– Во-от, в этом-то вся загвоздка: я не хочу с ней расходиться! Она всем меня устраивает.

– Чем, например? – спросила Аня.

– Она... – Я как-то беспомощно всплеснул руками – этот простой вопрос поставил меня в тупик. – Она яркая, красивая. Фигура потрясающая, волосы, ноги.

– Стоп-стоп-стоп! Ты описываешь ее внешность. Но мы-то в курсе, что она модель. А внутренние ее качества?

– Э-эм...

– Она изобретательна в постели! – сообщил Вик, и мы с интересом на него посмотрели.

– А ты откуда знаешь? – нахмурился я.

– Ты же мне и рассказывал!.. Что?!

– А обо мне, о наших с тобой отношениях ты тоже ему рассказываешь? – Аня скрестила руки на груди и сжала губы – явный признак недовольства. Я отчаянно замотал головой за ее спиной.

– Нет, конечно, солнышко! Это же *наши с тобой* отношения! – заискивающе промямлил Вик, а я мысленно ухмыльнулся: и эти люди пытаются меня убедить, что брак – это радость. Ага.

– Сделаем вид, что я поверила, – мудро решила Аня, демонстративно отвернувшись от еле сдерживающего улыбку мужа. – Готовить она умеет?

– Кто? Олеся?! Может сделать бутерброды из нарезанного хлеба.

– ...и нарезки.

– И нарезки.

– Кошмар какой, – вздохнул Вик. Еще бы, Анька офигенно готовит, что очень наглядно демонстрирует его расплывшаяся фигура. Еще один минус семейной жизни.

– Ну, а какие-то общие темы для разговоров у вас есть? – не унималась Аня.

– Ну-у... Она пару раз таскала меня на свои тусовки в какие-то пафосные клубы, и потом мы это обсуждали.

– Да гони ее в шею, Кольцов! – засмеялся Вик. – Давай найдем тебе нормальную дев...

– Подожди, – Аня зажала ему рот ладошкой, – ты сам-то

чего хочешь?

Я задумался.

– Я хочу, чтобы все было как раньше.

– Секс без обязательств.

– Да. Грубо, но верно.

– А гражданский брак это, в общем-то, и есть секс без обязательств, – встрял Вик.

– Не-ет, я не хочу брака, – застонал я, – ни гражданского, ни какого! Это не мое. Пусть все будет как раньше!

– Как раньше не будет, – настойчиво произнесла Аня. – Ты съездил с ней в отпуск, и она завела разговор о переезде. Теперь – либо вы расстаетесь, либо съезжаетесь. Решать тебе. – Она посмотрела на часы и пнула локтем Вика. – Поехали, мне в книжный надо.

Ребята ушли, а я, немного побродив по опустевшему офису, стал собираться в институт – ненавижу поздние пары, но сейчас даже был рад, что можно отложить решение проблемы на какое-то время. Тем более Олеся улетела на съемки в Милан, и у меня была трехнедельная фора.

Но за три недели ничего не изменилось: я как не хотел жить под одной крышей с Олесей, так и не захотел. Зато обнаружил, что Громова, кажется, не на шутку в меня влюбилась. Теперь она одевалась исключительно в платья и юбки, на ногах появилась обувь на каблуках, а во взгляде – любовная тоска. Плюс к этому она пересела с «галерки», где обычно садилась со своей гоп-компанией, на первую пар-

ту и во время лекций смотрела мне прямо в глаза, в отличие от остальных студентов, которые либо пялились на доску, либо занимались своими, далекими от лекции делами. Я мысленно над ней посмеивался, но, сказать откровенно, порой отвести от нее взгляд было трудно – поразительно, как одежда может из серой моли сделать леди!

И, наверное, я слишком увлекся подмечанием всевозможных изменений в ее стиле, потому что вернувшаяся со съёмки Олеся неприятно резанула глаз агрессивной красотой. Катя при всех своих каблуках была какой-то, хм... нежной, что ли? Олеська же наоборот: хоть в пижаму будет одета – все равно яркая и «громкая».

Хватило одной встречи после долгой разлуки, чтобы окончательно убедиться: надо расставаться.

Я выбрал день и заказал столик в ресторане: Олеся любит красивые жесты, значит, и расставаться надо красиво.

Накануне «торжества» я позвонил ей и сказал, что нам надо поговорить. Да, этот момент получился банальным, но ничего умнее я придумать не смог.

В день «икс» меня слегка трясло. Все-таки Олеся – девчонка с чертовщинкой какой-то, ожидать от нее можно всякого, например, грязной разборки с матом и биением посуды. А я такие вещи не особенно люблю, мне становится неудобно перед окружающими, поэтому ресторан был выбран равноудаленный от мест, где я регулярно появляюсь. Ехать я собирался прямо из института, и когда Наталья – ка-

федеральный секретарь – сообщила, что на проходной меня ожидает девушка, запаниковал: если я не выйду отсюда через пятнадцать минут – опоздаю.

– Олесья?! – я удивленно таращился на Олеську, кутающуюся в коротенькое пальтишко.

Олесья подвинула плечом замешкавшегося на проходной студента и молча прошла мимо меня. Ничего не понимая, я засеменял за ней.

– У вас тут кафетерий есть? – спросила она через плечо. – Я замерзла.

– Боюсь, что уже все закрыто – пятница, восемь вечера... Олесь, стой, – я поймал ее за локоть и развернул к себе лицом. – Что происходит? Мы же договорились встретиться в ресторане!

Она горько ухмыльнулась.

– Давай вон к лестнице отойдем.

Не дожидаясь моего ответа, она зашла во мрак лестничного пролета и присела на подоконник. Я встал рядом.

– Игорь, я... – она запнулась, но продолжила: – Я не люблю, когда меня унижают на глазах посторонних.

– О чем ты?

– Ты хочешь расстаться, так ведь?

Я опустил глаза и кивнул.

– И давно ты это решил?

– Месяца два назад.

– Угу... Сразу после отпуска. Все было так плохо?

– Олесь, все было прекрасно! Мне было очень хорошо с тобой, но нам надо расстаться!

– Ты причину-то назови!

– Эти отношения, они... Вообще, почему мы должны разговаривать здесь, – я брезгливо отошел от заплыванной урны, – поехали в ресторан, посидим, нормально поговорим!

Но Олесья как будто не слышала меня. Дрожащими руками она нашарила в сумочке сигареты, достала одну из пачки и долго не могла справиться с зажигалкой.

– Из-за того, что я предложила съехаться? Я же... – она глубоко затынулась, – я же ничего такого не имела в виду! Съехаться – это просто жить вместе, это не значит, что сразу после переезда мы побежим в загс!

– Я понимаю, – терпеливо сказал я, – но и ты меня пойми: я не привык постоянно жить с женщиной, мне это неудобно. В последний раз такой опыт у меня был лет семь назад, мы прожили два года и расстались. Потому что я не создан для семейной жизни, и меня в этом все устраивает.

– Хорошо, давай оставим все как было! Будет гостевой брак, как на Западе. – Вот не стоило ей говорить слово «брак». Если до этого я еще колебался, может, и правда получится вернуть все как было прежде, то теперь я просто стал ждать, когда весь этот мелодрамный бред кончится. – У меня подруга во Франции так живет – они с молодым человеком встречаются, спят вместе, ездят в отпуск, но каждый живет на своей территории.

– Это не гостевой брак. Они просто встречаются, спят вместе, ездят в отпуск, и каждый живет на своей территории.

– Я тебе надоела? – неожиданно спросила Олеся, и я чуть было не брякнул откровенное «Да!».

– Олесь, ты молодая красивая девушка, тебе действительно пора замуж, но не за меня! Выбери себе кого-то из своего окружения, помоложе, побогаче, попроще.

Блин, не хотел произносить это слово, но – вылетело. Олеся подняла на меня глаза и злобно ухмыльнулась:

– Проще?

– Я не это хотел сказать.

– Проще?! Я для тебя – тупая модель, да? Просто красивая кукла, которую можно трахнуть и бросить! По-твоему, я тебя не достойна, да?! Умом не вышла?

– Спокойнее! «Проще» я имел в виду... – я неопределенно махнул рукой, пытаюсь подобрать слово, но Олеся отшвырнула окурков и не дала мне договорить.

– А ты знаешь, что я с золотой медалью закончила физико-математическую школу? Ты знаешь, что я этой весной диплом в МГУ защитила? Что ты вообще обо мне знаешь?!

– Да, я ничего о тебе не знаю, – взбесился я, – потому что все полгода, что мы встречались, ты корчила из себя полную дуру! С тобой вообще не о чем поговорить, ты, кроме шмоток, ни о чем не думаешь! На какую тему был диплом?

– Э-э-эм-м... Как же там?... «„Депрископ“ как основной инструмент для оценки подростковой депрессивности».

– Отличная тема! Почему бы тебе не рассказать мне об инструменте для оценки депрессивности вместо того, чтобы в сотый раз поведать, как вы в Лондоне с Машкой или Наташкой обдолбались в каком-то клубе?!

– Но ты же не спрашивал...

– Да?! А про клубы я спрашивал?! Про шмотки Гуччи-Фигуччи спрашивал?! Ты сказала, тебе контракт в Милане предложили? Милан – столица чего?

У Олеси заметались глаза.

– Ит-италии?..

– Рим – столица Италии! – Я хотел добавить «идиотка», но удержался. – Господи, это же в школе проходили! За что тебе медаль дали? А диплом... Если бы ты действительно отучилась в МГУ, ты бы даже речь свою по-другому строила. Мне пора. – Я развернулся, чтобы уйти, но Олеся схватила меня за рукав.

– Игорь, подожди!

– Что?

– Я... Я умоляю! Хочешь, на колени встану! Пожалуй-ста!!! Не бросай меня! Я все сделаю, как ты хочешь, – поступлю в вуз, брошу на хрен модельную школу, я... я... Я люблю тебя! Клянусь, я изменюсь, я все сделаю ради тебя!

Меня мутило. Я смотрел на дрожащую Олеся, судорожно вцепившуюся в мою руку, и никак не мог побороть отвращение, вскипавшее где-то в области груди. По ее лицу катились крупные слезы, она всхлипывала, и это бесило еще больше:

я впервые видел, как она плачет, и не думал, что это так...
хм? Ненатурально.

На счастье, у меня в кармане пискнул мобильник.

– Не надо плакать, красавица. – Я посмотрел на мобильный, с серьезно-озабоченным видом прочитал, что мой баланс близок к отключению. – Меня вызывают на кафедру. Тебя проводить до выхода? – Олеся закрыла лицо ладонями и зарыдала в голос. – Прощай, красавица.

Я развернулся на каблуках и сбежал по лестнице.

– Ты пожалеешь! – крикнула Олеся вдогонку, и я цинично хмыкнул: о да, я уже жалею. Жалею, что вообще с тобой связался!

До Нового года оставалось всего полтора месяца, и активизировались всевозможные должники. Во-первых, клиенты моей фирмы. У меня есть довольно неприятная для них привычка прекращать обслуживание в это горячее время при наличии малейшей задолженности в оплате счетов. Но поскольку 1С крайне всем необходим именно в конце года, то все откуда-то внезапно находят деньги и срочно погашают долги. Во-вторых, студенты. До них, опять-таки внезапно, начинает доходить, что сессия вот тут за углом, и чтобы к ней допустили, надо написать, сдать, защитить.

А тут еще Дима заболел. Меня и так на части рвут, а он простыл, сволочь.

Я сидел на семинаре у пятикурсников и мечтал, как при-

еду к Диме в гости, насильно волею ему в глотку аспирина и притащу в институт. В маленькой аудитории было жарко, настезь открытая форточка не справлялась с духотой и палящим жаром батарей. Студенты старательно пыхтели над написанными мной на доске задачами, мозговой процесс был практически осязаем.

Но не все прилежно занимались. Вот Громова, например, постоянно на окно косится. Чего там смотреть-то, не видно ни зги. Я тоже невольно отвернулся к окну и чуть не задремал, укаченный огоньками проезжающих машин, но очнулся от сдавленного хихиканья. Громова и Назарова.

– Девушки, вы решили?

– Почти, – прохрипела Катя, что-то яростно строча в тетради.

Я достал документы по работе, но дремотное состояние никак не проходило. Меня раздирала еле сдерживаемая зевота, еще чуть-чуть и...

На сей раз отчетливо хохотнула Назарова. И хрен бы с нами, пусть ржут, но это был замечательный повод размять кости. Я медленно встал, со вкусом потянулся и подошел к их парте.

– Очень сомневаюсь, барышни, что вы хоть что-то тут на решали, поэтому еще один писк из вашего угла – и я вас выгоню.

Катя явно что-то прятала на коленях. Я прошел обратно к столу, но резко повернувшись, успел заметить листок. Пе-

реписка. Так-так. Сон мгновенно улетучился, и я стал внимательно следить за девчонками. Ох, не над решением задач они так веселятся. Когда Назарова явственно покраснела, любопытство пересилило, я бесшумно подкрался к парте девушек и выхватил листок.

– Мало похоже на доказательство леммы, – сказал я, пробежав переписку глазами. Кинув листок на свой стол, объявил перерыв. – Все вон, надо проветрить помещение.

Девчонки оцепенели. Медленно, косясь на мой стол, они вышли из аудитории, неплотно прикрыв дверь.

Я распахнул окна и с наслаждением вдохнул не свежий и не чистый, но морозный воздух. Ну, что вы там понаписали, девушки?

Уже с первых строк я еле сдерживался, чтобы не начать хохотать: эти поганки обсуждали меня и мой роман с Олесе́й – откуда узнали-то?! Порадовала их версия нашего расставания: натрахался. В целом – верная. Затем, что у меня аппетитная задница, и в итоге Назарова предложила Кате меня соблазнить. Я прыснул. Хотя, факт, что та с удовольствием согласилась, пусть здесь, в переписке, несомненно, льстит.

Я спрятал листок в карман и решил сходить за водой в кафетерий – Катины откровенные описания, как именно будет происходить акт соблазнения, изрядно меня взбудоражили.

Громову я удачно нагнал у кассы.

– Ам-м... Мне «Аква Минерале» без газа, пожалуйста, –

запинаясь, промямлила она. Кажется, ее сильно смутило, что я прочитал переписку.

– Две, – я протянул деньги, хмыкнув на протянутые девочкой мятые бумажки. – Мне вот тоже... жарко стало. Начитался всякого.

Катя пыталась открыть бутылку, но крышка не поддавалась – ладошки взмокли. Я протянул свою, открытую.

– А как насчет тайны личной переписки? – с вызовом спросила она, двумя глотками опустошив бутылку до половины.

– Угу.

– Слушайте, это не то, что вы подумали! В смысле не то, что вы прочитали!

Я рассмеялся. Все то, девочка, все то. Потому что сложно придумать иной, чем сексуальный, подтекст во фразе «... подойду к нему развязной походкой, толкну на стул... встану на колени... расстегну ему ширинку... и...». Надо же, дословно запомнил.

– Хочешь, я тебя домой сегодня подвезу?

– Зачем?.. То есть... да. Хочу. – Она слизнула языком капли воды с губ, я судорожно вздохнул – как эротично!

– Жди меня на стоянке.

Я подошел к аудитории и взялся за ручку двери, показывая, что перерыв окончен. Оставшееся время от пары девочки старательно избегали смотреть и на меня, и друг на друга.

Уже полчаса я ходил кругами возле машины. Дважды очи-

стил снег, сбил ногами налипшие куски грязи с колес, потрепался со сторожем стоянки и вконец замерз. Хорошо, что в машине журнал какой-то валялся, а то совсем околел бы.

Когда запыхавшаяся Катя сугробом ввалилась в салон, я уже готов был довести ее до ближайшего метро и высадить к черту. Но тут случилось забавное.

– Ты чего так долго? – сурово спросил я и на автомате подставил щеку для поцелуя. Катя так же автоматически меня поцеловала.

– Да я...

Мы замерли. А потом быстро одновременно заговорили:

– Извини, привычка. Как-то всегда получается, что...

– Простите! Папа всегда злится, если он меня подвозит, а я долго собираюсь, но...

– ...девушка садится в машину, поцелуй, объяснение опозданию...

– ...стоит его чмокнуть, и он тут же успокаивается...

Замолчали мы так же одновременно.

– Мда... Страшная это штука – условные рефлексy. – Я поправил зеркало заднего вида и стал выворачивать со стоянки.

– Ничего, бывает. Главное, в универе держать все рефлексy в узде. А то так опоздаю на лекцию: «Громова, ну какого хрена?! Опять опоздала!» – «Да ладно, ерунда!» И – чмок в щеку.

– Хм... Надо запомнить текст. Так ты не договорила, по-

чему шла так долго.

– А, да я от самого вагона метро возвращалась! Народ как-то цепко меня в окружение взял, а как объяснить, зачем мне в другую от них сторону, – не придумала.

– Позвонила бы, я бы тебя у метро и подхватил.

– И куда бы я позвонила?

– А, ну да, у тебя же номера нет... Продиктуй свой. – Я достал мобильник, увидев который девочка брезгливо поморщилась. Пришлось оправдываться: – Я разбил свой мобильный, а до магазина все не дойду. Это запасной. Друг одолжил. Запиши мне свой номер... Как поедем? Через город или «огородами»?

– Лучше через город – там сейчас пробок больше.

Вот оно как – через город, чтобы по пробкам. Чтобы подольше покататься. Хорошее начало. За полтора часа вполне можно будет ее уболтать до приглашения к себе в гости. Блин, переспать с ней перед сессией? У нее по моему предмету полная жопа, начнет ведь просить, клянчить. Ладно, разберемся.

До центра доехали очень быстро, зато на подъезде к «Маяковке» ожидаемо встали в глухую пробку. Медленно и печально спускаясь вниз к Красной площади, вели непринужденный треп в стиле «что вижу, то пою».

– «Маяковка»! – радостно вскрикнула Катя и ткнула пальцем в здание метро. – Здесь я встречалась с мальчиком на своем первом свидании!

– О, как интересно! Сколько же тебе было лет?

– Семнадцать.

– Так много?!

– А что?

– Я думал, современная молодежь на свидания начинает бегать лет с тринадцати.

– Может, и начинает. Меня в тринадцать лет больше интересовали роликовые коньки, чем мальчишки. Я даже поцеловалась первый раз в десятом классе, и то в благодарность за установку новой «Винды».

Я так опешил, что не заметил, как впереди освободилось пространство. Под возмущенное бибикание ржавенькой «Хонды» сказал:

– Боюсь представить, что бы ты сделала за новый компьютер! – И, каюсь, красочно представил, *что* бы она сделала за новый компьютер.

– Да ладно вам! – Катя, смеясь, хлопнула меня по плечу перчаткой. – Вы же программист, вы должны меня понять!

– Нет, Катюш, извини, за установку «Винды» целоваться я бы точно не стал. Она хоть лицензионная была?

– Господь с вами, откуда у простого школьника взялась бы лицензионная операционка?

– Значит, это был школьник. О времена, о нравы! – Я удрученно покачал головой. – А школьник твой ее устанавливать-то умел? Или просто диск отдал, сорвал поцелуй и смылся?

– Ну, в общем...

– Понятно: за установку – отдельная плата.

– Не пошлите!

– Я пошлю. Ага. Первый поцелуй – за программный продукт для компьютера. Ты – настоящий технарь.

– Да что вас так смутило-то?!

– Кать, а где романтика?! Ты же девушка!

– Все было не так прозаично! – Мне показалось, девочка начала оправдываться. – Я ему нравилась. Он мне – не очень. Разговорились как-то на перемене, что у меня «Винда» старенькая, стыдно с такой в наш универ поступать...

– Да, конечно. При поступлении в наш вуз наличие последней версии «Винды» было обязательным условием, – не удержался я от «шпильки», но Катя проигнорировала мой подъёб.

– Он сказал, что может дать мне диск. Давай, мол, после школы встретимся. Встретились. Погуляли. У подъезда он отдал мне диск. Я сказала спасибо. Он меня поцеловал. Вот.

– Замечательно. И что в этой истории было самым романтическим?

Катя задумалась. Ответить было нечего.

– Вот-вот. Не девушка, а парень в юбке, – я покосился на ее ноги, обтянутые джинсами. – Даже не в юбке!

– Да я всю осень ради вас в юбке пробегала! А сейчас... холодно.

Я решил сменить тему, Катя слишком близко к сердцу

приняла мои издевки насчет ее неромантичности.

– Откуда вы знаете Олесю?

– М-м-м... Ну-у... Как бы это сказать... В общем, мы с Машкой случайно услышали, как вы с ней... расстались. А потом напоролись на нее в туалете. И она попросила проводить ее до выхода. Она была так расстроена...

Мы подъезжали к Большому театру, и я вспоминал, где можно развернуться.

– Плакала...

Так, если сейчас успеть перестроиться, то можно...

– Так переживала...

Кто переживал? Видимо, пока я тут скакал из ряда в ряд, потерял нить беседы.

– Почему вы расстались?

А, вот она о чем. Я неопределенно махнул рукой.

– Маша правильно написала в вашей переписке.

Она нахмурила лобик, вспоминая переписку, и вдруг смущенно отвернулась. Вспомнила.

– Ну, а что с ней еще делать? Книжки она не читает, фильмы смотрит какие-то дурацкие, молодежные сериалы, еще и музыка эта – то ли рэп, то ли непонятно что. Я пару дней выдержал, потом убрал магнитола, сказал – сперли.

– Кстати, о магнитоле! Она сказала, что у вас «Мерседес»!

Я кивнул.

– Это моя предыдущая машина. Служила верой и правдой пятнадцать лет. Я в тот день ее на техосмотр гонял.

– Вы говорите о ней как о ненужной вещи.

– Как же о ненужной?! Отличная машина, даже продавать ее не собираюсь.

– Я про Олесю!

– Ой, Катя! Я тебя умоляю! Да она тоже меня как вещь воспринимала! Думаешь, там прям любовь какая-то была?

– Не знаю, – Катя отвернулась к окну. – Я говорю то, что видела. Она плакала. Плакала перед людьми, перед которыми что-либо играть не нужно. Мы были как раз той публикой, которой можно выговориться, чтобы стало легче, а не врать.

Господи, сколько пафоса!

– Я ей ничего не обещал, она мне тоже. Олеся вообще сразу предупредила, что длительного романа не получится, и как только я понял, что наша связь начинает меня напрягать, то решил с ней расстаться. Просто слегка опередил события. Так что не понимаю, к чему были эти сцены.

– И вы не жалеете?

– Нисколько. Я вообще про нее не вспоминаю, к тому же мне нравится другая женщина, – сказал я, надеясь, что в интонации будет заметен прозрачный намек на то, какая именно «другая женщина» мне нравится. Но я ошибся.

– Остановите, – судорожно прохрипела Катя.

Я повернулся и увидел, что она судорожно дергает шарф.

– В чем дело?

– Пожалуйста!!!

Мы уже ползли вверх по Тверской; я свернул и встал у шлагбаума перед Камергерским переулком. Катя выскочила из машины, добежала до ближайшей скамейки и села прямо на обледеневшую поверхность.

Что происходит? Решив, что девочку просто укачало, я припарковался поровнее, включил «аварийку» и вышел из машины.

Катя сидела на скамеечке, сжавшись в комок. Я сел рядом, снял с себя шарф, намотал ей на шею. Руки убирать не стал, но Катя тряхнула плечами.

– Не надо.

– Катя, что случилось?

– Ничего не случилось. Укачало. И не надо меня обнимать.

– Что я не так сказал? Ну не люблю я твою Олесю, что мне, себя ломать?

– Дело не в Олесе.

– А в чем тогда?

– Вы так ничего не поняли? – она усмехнулась. – Я. Вас. Люблю! Да, это глупо и по-детски, но ничего не могу с собой поделаться. А вы, зная о моей влюбленности, зачем-то издеваетесь надо мной. Зачем вы предложили меня подвезти? Почему, прочитав переписку, не сделали выговор или что там положено делать в таких случаях? Зачем защищали перед Младшим с этим чертовым зачетом? Зачем все это надо, если вам нравится другая?!

Понятно. Я едва не рассмеялся. Видимо, намек был слишком прозрачным. Но пока я соображал, что ответить, в кармане зашевелился мобильный.

– Извини... Алло?

– Игорь...

Олеська. Как не вовремя!

– Блин, Олесь, не сейчас! Я занят...

– Игорь, я беременна.

– Что?!

– Я беременна. Нам надо поговорить.

Машинально отметил, что обычно женщина сначала говорит «Нам надо поговорить», а потом уже «Я беременна».

– Я перезвоню, – нажал кнопку отбоя и закрыл лицо руками. Твою же мать...

Олеся беременна. У *меня* будет ребенок! Да нет, это невозможно. Мы же всегда предохранялись! И в первую очередь – это была ее инициатива, дескать, рано ей детей иметь, карьера важнее. А может, она, как в идеальном мексиканском сериале, залетела от другого, а он, подлец, детей не хочет, и она решает повесить ребенка на меня? Могла бы Олеся такое повернуть?

– Что-то случилось?..

Я вздрогнул. Катя. Совсем про нее забыл.

– Случилось... Извини, мне надо ехать...

– Подождите! – девочка задержала меня за рукав. – Ответьте... Я... вам нравлюсь?

Я посмотрел в ее влажные, горящие испуганной решимостью глаза и понял, что мой честный ответ, мол, да, нравишься, и я даже готов закрутить с тобой интрижку в обход своих принципов, на фоне потенциальной – надо все-таки убедиться – Олеськиной беременности будет выглядеть подленько.

– Нравишься. Нравишься, как вся остальная масса студентов и студенток, – ответил я и с тоской посмотрел, как Катя сорвалась с места и стремительно удаляется в сторону метро.

Я набрал Олесин номер.

– Рассказывай.

– Это не телефонный разговор, – с неуместным достоинством ответила она и с едва уловимой мольбой добавила: – Можно я заеду к тебе?

Она сидела за столом и грела ладони о кружку с чаем. Я цедил виски.

– Я беременна.

– Это я уже слышал. От кого?

Олеся метнула на меня гневный взгляд и прошипела:

– От тебя, идиот!

– Без хамства. Давай заново. От кого ты беременна, при условии, что мы с тобой всегда предохранялись?

– Не всегда, – она зябко поежилась, – помнишь, недели за две до того, как ты меня бросил, – она с нажимом выделила «бросил», – мы впервые испробовали позы из журнала...

– Не помню. Ты все время что-то изобретала.

– Тебе же это нравилось! – вспыхнула она.

– А я и не отрицаю. Но как бы и в каких позах мы этим ни занимались, я всегда надевал презерватив.

Она кивнула.

– А снимал?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что в тот раз презерватив порвался.

– Порвался?!

– Порвался. Но ты этого не помнишь, потому что уснул буквально через пару секунд после того, как...

– А почему ты утром не рассказала?

– Не придала значения.

Не придала значения, блядь! Она не придала значения, а я теперь расхлебывай!

– И какой срок получается?

– Пять недель.

Я отвернулся к окну. Пять недель – это немного. На принятие решения есть еще месяца полтора. Блин, да решение здесь одно! Я не готов стать отцом. Не готов.

– Сама-то чего хочешь?

– Хочу ребенка.

– Тогда рожай.

– Но с Миланом придется распрощаться. И с карьерой модели тоже.

– Не рожай.

– Для тебя так все просто – рожай или не рожай?!

Я дернул плечом.

– Да, для меня все просто. Рожаеться – прекрасно. У ребенка будет моя фамилия, вы ни в чем не будете нуждаться. Не рожаеться...

– Мы ни в чем не будем нуждаться, но жить ты с нами не будешь?

– Да.

– И мы не распишемся?

– Зачем?

– Чтобы у нас была полноценная семья, – у Олеси задрожали губы: о нет, сейчас разреветься.

– У нас не может быть полноценной семьи, потому что я тебя не люблю. А жить с нелюбимой женщиной не смогу даже ради ребенка. Это будет кошмаром для всех нас. Извини.

Несколько секунд она с презрительным разочарованием сверлила меня взглядом, потом прошептала «Ребенка не будет» и больше не проронила ни слова. Молча вышла из кухни, молча оделась и молча шарахнула входной дверью.

Фу, как театрально.

Первым делом о ребенке я сообщил Вику. Хотя, кому еще можно было сообщить? Он и Анька и есть моя семья.

После торжественного «Нам надо поговорить», кинутого мною письмом по корпоративной почте, Вик зашел в кабинет, закрыл дверь на замок и вытащил из-под свитера фляжку и две маленькие стопки.

– Да, это самое оно, – протянул я, даже не задумываясь о том, что мы оба за рулем.

– Рассказывай, – сказал Вик после второй порции коньяка.

– Я тебе говорил, что с Олеськой расстался?

– Говорил. Я тебе уже на эту тему посочувствовал.

– Да почему посочувствовал-то?! Ты же сам говорил, что она мне не подходит!

– И сейчас говорю – она тебе не подходит. Но без секса ты долго не протянешь, я тебя знаю. И поскольку ты в последнее время вечно раздражен, значит, у тебя никого нет. Вот я и думаю, а не поторопился ли ты? Может, сначала надо было найти ей замену?

Я махнул рукой и достал из ящика письменного стола напечатую шоколадку.

– Она беременна.

– Кто?

– Олесья.

– От тебя?

– Вроде да.

– То есть ты не уверен?

– Вик, а мужчина вообще может быть в этом уверен?

Вик пожал плечами.

– И что вы будете делать?

– Ну, я сказал, мол, хочешь – рожай. Не хочешь – не рожай. Она обиделась и хлопнула дверью.

– Предсказуемо.

– Что мне делать?

– Ты знаешь мое к этому отношение...

Знаю. Вик и Аня женаты три года, и все три года они пытаются завести детей. И, конечно же, Вику сейчас странно слышать о моем выборе между *иметь* ребенка или *избавиться* от него.

Подонком я себя не чувствовал: ответственности с себя не снимал, прервать беременность не уговаривал, отцовство признал без ДНК-тестов, помощь предложил.

Но все равно на душе было как-то гадко. Откуда ни возьмись, вокруг меня стали появляться пейзажи с пасторальными сюжетами на тему играющих друг с другом отцов и детей. С утра выхожу на работу – сосед с пятого этажа ведет двоих сыновей в садик. Они визжат, брыкаются и дерутся друг с другом, но он смеется вместе с ними и выглядит счастливым. Вечером иду с работы – по двору катает коляску новоиспеченный отец из соседнего подъезда.

И еще Вик рассказал Ане. А Аня... Я думал, она, как всегда, закатит глаза и назовет меня моральным уродом, а она вместо этого сказала лишь одну фразу: «Может, это твой последний шанс стать отцом».

Такой моральный прессинг я выдержал ровно неделю и позвонил Олесе без особой надежды на чудо.

– Олесь, ты уже сделала?... – спросил я, даже не поздоровавшись.

– Нет, – ответила Олеся после минутного молчания. –

На послезавтра записалась.

– Не делай этого, прошу тебя! Я очень хочу ребенка.

Она долго не отвечала, и я несколько раз смотрел на дисплей мобильного, проверяя, не пропала ли связь.

– Нет, – наконец сказала она. – Извини, я уже все решила. Я не могу рожать вне брака.

Твою мать, подумал я. Какой откровенный и беспардонный шантаж! Ну зачем ей нужен этот брак? Все равно же разведемся.

– Ладно, – я закрыл глаза и уткнулся лбом в руль. Как смертный приговор себе подписал. – Распишемся. Только уже после Нового года, не до этого сейчас.

Олеся счастливо взвизгнула и тут же вбила еще один гвоздь в гроб моего будущего:

– Когда ты заедешь за моими вещами?

Глава 4

Я честно старался стать примерным мужем будущего семейства. Приходил с работы вовремя, терпел разбросанное по всей квартире Олесиное барахло, не раздражался, если она перечила мне по поводу и без, списывая непостоянство ее настроения на гормоны, и даже разрешил ей вытереть пыль в кабинете, куда обычно вход ей был категорически воспрещен. Исправно выполнял полусупружеский долг. О росписи речь больше не заходила, но то, что она будет обязательно – было ясно как день.

Я честно старался полюбить Олесю.

Честно старался найти положительные моменты в настоящей и будущей жизни.

Не получалось ни то, ни другое.

– Эй, ты здесь? – Олеся пощелкала пальцами у меня перед глазами. Я поморщился, сдерживая рефлексивное желание ударить ее по руке.

Мы завтракали. Точнее, завтракал я, а Олеся мелкими глотками пила минеральную воду и рассказывала, что сегодня ей предстоит сделать «скрининг первого триместра», который надо делать на голодный желудок и обязательно до одиннадцати недель. Что это за хрень – я прослушал, но, судя по тому, как обычно сдержанная Олеся была взбудора-

жена – анализ был важным.

– Я здесь, задумался просто, – я неловко улыбнулся и погладил ее по руке. – Когда, говоришь, будет готов сканнинг?

– Скрининг, Игорь! Через неделю. И у меня есть еще одна новость для тебя.

Я изобразил живейшую заинтересованность, чтобы расплатиться за невнимательность к... скринингу? Странное слово. Наверно, все-таки сканнингу – от «сканирования плода». Точно.

– Мне предложили съемки на постеры для Дня Святого Валентина.

– Здорово. Где будешь висеть?

– В «Харродсе».

Олеся выжидающе и несколько напряженно на меня смотрела. Я опять что-то пропустил? «Харродс», «Харродс»... Что-то знакомое. «Харродс»?! В Лондоне?

– В «Харродсе»?! Это потрясающе, детка! – я искренне обрадовался. Ведь это значит, что Олеся свалит как минимум на несколько дней.

– Да, представляешь! Поскольку с Миланом я по известным причинам пролетаю, такую возможность упускать очень не хочу.

– Конечно, нельзя упускать такую возможность! Когда ты вылетаешь? И на сколько?

– Через три дня, а на сколько – пока неизвестно. Ориентировочно на неделю, а там – как видно будет.

Неделя! А если повезет – она задержится там и на Новый год! Господь услышал мои молитвы.

На радостях я не только отвез ее в консультацию, но и предложил дождаться и отвезти в агентство, забив на свою работу, но Олеся отказалась, сославшись на очередь.

Она улетела, как и обещала, через три дня, и в первый же день я с огромным удовольствием остался в офисе до двенадцати ночи, пока не выгнали охранники бизнес-центра, а затем с таким же удовольствием покатался по ночному городу и домой приехал уже в четвертом часу ночи; утром благополучно проспал и решил сразу ехать в институт.

А там, как всегда в дни зачетной недели, был ад. Количество студентов возросло вдвое, а то и втрое, все они носились с сумасшедшими глазами, кидались на преподавателей, которые, как обычно в дни зачетной недели, озлоблялись и старались реже появляться на рабочих местах. Но даже этот сессионный аврал не портил мне настроения от внезапно свалившейся холостяцкой жизни.

Жаль только, что Громову я видел лишь на лекциях, и то она старательно избегала моего взгляда.

Я стоял у кабинета и отбрехивался от детей, ленившихся прочитать расписание пребывания преподавателя на кафедре. Устал как собака. А мне еще предстояло проверить тестовое задание у мальчонки, которого мне порекомендовали взять на работу – якобы программист от бога, а потом принимать долги и зачеты у пятого курса.

– Дети, – в сотый раз повторял я, – в сессию я бываю здесь почти каждый день. Вот расписание. Подходим, смотрим, записываем... Нет, сегодня я принимаю только у пятого курса... Нет, завтра я с трех... Да, до восьми... Вся информация на стенде... Всё. Любого, кто постучит в эту дверь, – убью на месте, – я зашел в свой кабинет и хлопнул дверью. – Блин, заебали.

– Кольцов, ты эту фразу повторяешь каждую сессию на протяжении последних двадцати лет, – манерно растягивая слова, сказал Варфоломеев. Конечно, ему легко говорить: он читает курс лекций о юридической составляющей информационной безопасности, и, чтобы получить у него зачет, достаточно сдать десятистраничный реферат, который практически все сдирают из интернета.

– Я все жду, что они хотя бы читать научатся, чтобы не дергать вопросами «А завтра вы когда будете?».

– Не научатся, не жди. Кстати, фраза как забавно построена: «Когда вы завтра будете?» Не «Где вы завтра будете?», не «В чем вы завтра будете?».

– «В чем» – это особенно интересно.

– Хочешь посмеяться? Паренек, ярко-рыжий такой...

– С третьего курса?

– Угу. Сдал реферат. Все, как надо: титульник, оглавление, список литературы. Короче, любо-дорого. Гореть в камине будет не долго, но ярко. Читаю. На пятой странице, прямо посередине абзаца фраза курсивом: «Спасибо, что все

еще читаете мой доклад. Это глава из моей дипломной работы на бакалавра в Новосибирском государственном университете, факультет юриспруденции, кафедра... какая-то там кафедра. Человек, скачавший эту работу из интернета, вполне заслуживает оценки „хор.“, ибо, чтобы открыть архив, ему потребовалось ввести пароль, состоящий из номеров статей об информационной безопасности из УК РФ. С уважением...» И имя. Сидоров или там Петров, не помню. Вот я и думаю, что ему ставить?

– Ставь «отл.», – ухмыльнулся я. – Он либо взломал архив, что, в общем-то, отвечает его будущей профессии, либо нашел статьи, то есть, возможно, их прочитал.

В дверь постучали.

– Блядь, а? Сказал ведь, первого постучавшегося – убью. Сколько там по сто пятой мне светит?

– Ты в состоянии аффекта – лет пять получишь. Убивай смело, думаю, по амнистии раньше выйдешь.

С самым любезным выражением лица я открыл дверь.

На пороге стоял коренастый первокурсник, по которому давно плакали воздушно-десантные войска.

– Здравствуйте, Игорь Владимирович! – лихо начал молодой человек. – А вы завтра когда на кафедре будете?

Под моими ногами кто-то хихикнул. Я опустил глаза и увидел сидящих на полу паренька с ноутбуком на коленях – моего будущего программиста, и... Катю.

– Ко мне? – грозно спросил я, ребята дружно кивнули. Я

отвернулся, молча взял студента – будущего ВДВ-шника – за плечо, подвел его к расписанию и ткнул пальцем в свою фамилию.

– Читай вслух.

– А... Я понял. – Мальчик попытался вырваться, но я держал его железной хваткой.

– Видишь, вот это число?

– Тридцать первое декабря.

– Вот тридцать первого декабря в девять утра и придешь.

Мальчик побледнел.

– Но, Игорь Владимирович, у меня экзамен по матану тридцатого! Без вашего зачета меня не допустят к сессии!

– Да что ты?! Но, может, это научит тебя читать расписание пребывания преподавателей на кафедре? Вы двое! – я резко развернулся к откровенно ржущим Кате и... как его? – Карелин, марш в кабинет и готовься показывать обработку! Громова – за мной.

Ребята шустро поднялись с пола. Леша (точно, Леша!) что-то шепнул Кате и скрылся в кабинете, Катя же засеменяла за мной.

Я привел ее в маленький захламленный кабинет заведующего кафедрой, где едва помещались два письменных стола и шкаф. Кресел тоже не было – их забрал Голубев, принимавший в соседней комнате «долги».

Катя присела на стол, я устало прислонился к стене, закрыл глаза и мысленно досчитал до двадцати.

– Как твои дела?

– В общем-то, неплохо, – бодро отрапортовала девочка, – только по вашему предмету самая полная ж... – она прикусила язык, – то есть у меня по вашему предмету очень много проблем: не сдано ни одной домашки из трех, не написано ни одного рубежного контроля из двух, ну и, естественно, ничего из этого по понятным причинам не защищено. А без всего этого не будет допуска к зачету, ну и тэ пэ.

Я напрягся.

– И что ты...

– Обещаю сдать это все сама. Без чьей-либо помощи извне. Особенно вашей. И вот, – Катя достала из сумки шарф, – возвращаю. Спасибо.

– Ух ты! – я постарался скрыть разочарование при виде шарфа – почему-то мне хотелось, чтобы он оставался у нее. На память. – Без него сейчас тоскливо на улице.

Катя кивнула, поправила на плече сумку и покосилась на дверь.

– Ладно, мне пора идти. У меня сейчас пара...

– Какая пара? Вчера зачетная неделя началась, – я спрятал руки в карманы и встал напротив нее. – Ну?

– Что «ну»?

– Что будем делать?

– С чем?

– С твоей любовью.

Девочка вспыхнула, и пока она, как рыба на суше, без-

молвно открывала и закрывала рот, не находя слов, я любовался. Распахнутые глаза горят огнем, губы подрагивают... М-м! Эх, ну почему всем можно, а мне нельзя?! Ну почему я не могу замутить легкую интрижку с этой нимфой? Вот, пожалуйста, – даже уламывать не надо.

Я все-таки не удержался, протянул руку и заправил ей локон за ухо.

– Вы издеваетесь... – она откинула мою руку и гневно зашипела: – Какого черта?! Вы же сами сказали, что я все придумала, что я для вас одна из массы остальных! А теперь делаете вот так!

Она ринулась к выходу, но я успел схватить ее за локоть и швырнул обратно на стол.

– Громова, хватит! – На всякий пожарный случай я запер дверь. – Что за бред ты несешь? Когда я успел тебе все это наговорить?!

– На Камергерском!

– Что «на Камергерском»?

– Мы сидели на скамейке, и я спросила, нравлюсь ли вам. А вы сказали, что нравлюсь, как все остальные студенты!

Я нахмурился, вспоминая. Что за?.. А... Это, наверно, когда Олеська про беременность сообщила. Да, в состоянии аффекта я мог многое наговорить.

Катя тем временем продолжала:

– Я столько себя уговаривала, что все, что было, – фантазия. У меня только недавно, наконец, получилось подумать

о вас и не скривиться от боли. Только недавно получилось поднять на вас глаза. А вы опять перечеркиваете все мои старания забыть вас! – Последние слова она практически выкрикнула.

Это было выше моих сил. Я не стал дальше слушать всякую чушь, дернул ее на себя за ремень на джинсах и поцеловал. В губы. Жестко. Властно. И в то мгновение, пока Катя падала в мои объятия, еще успел подумать, что это ерунда – от одного поцелуя ничего не будет. Я крепко держал ее за плечи – наверняка останутся синяки, – и внутренне уже приготовился к тому, что она сейчас начнет вырываться и заверещит что-нибудь типа «Как вы смеете?!», но она не вырывалась. Прижалась ко мне сильнее, обхватив за пояс, и ответила на поцелуй.

Кажется, в этот момент я умер. Никогда, за все почти сорок пять лет жизни, я не испытывал такого! Малиновый вкус поцелуя, мягкость волос под пальцами, шелк кожи и какие-то еле уловимые конфетные ноты духов – в доли секунды я возбудился так, что закружилась голова. Я жадно впивался в нее, почти теряя сознание от желания немедленно овладеть ею прямо тут, на столе. Такие нежные, легкие губы, такие сладкие... Как будто до этого момента я никогда не целовался. Как будто всю жизнь под видом шоколада мне впаривали пластилин и вдруг я попробовал *настоящий* шоколад! Нежный... Прохладой тающий на языке... Горько-сладкий...

– Я вас ненавижу! – прошептала Катя, переводя дыхание,

но я лишь прижал ее к себе сильнее.

– Заткнись!

И снова...

Господи, что я делаю?! Нельзя! Это запрещено!

Нет. Можно. Нужно! Нужно еще! Много!

Я превратился в оголенный нерв. Мозг взрывался от ощущений, перед глазами замелькали цветные всполохи, сердце стучало так, что его биение, казалось, можно услышать за дверью кабинета. Гипоксия. Нехватка кислорода.

Барабанная дробь в дверь буквально отшвырнула нас друг от друга. Я одернул свитер, поправил очки, шепнул Кате «Сядь!», толкая на стол, и открыл дверь. На пороге стоял Катькин одноклассник – Мельников. Тот самый, ее бывший.

– Игорь Владимирович! Дмитрий Анатольевич просил вас разыскать. Там уже три группы собралось, и он сказал... – Тут он посмотрел за мою спину и заметил Катю. – А что здесь, собственно...

– Мельников, к делу! Что сказал Дмитрий Анатольевич?

– Просил найти вас и уточнить, когда вы придете.

– Передай, что скоро буду. – Я попытался закрыть дверь, но Марк подставил ногу.

– Еще Дмитрий Анатольевич просил разыскать Громова, – он с подозрением переводил взгляд с меня на Катю, – у которой самая худшая ситуация в нашей группе.

– Именно это мы с ней сейчас и обсуждаем! – Я с раздражением захлопнул дверь и повернулся к девочке. – Нам надо

поговорить.

Что-то слишком часто эта фраза всплывает в моей жизни за последнее время, но, вообще-то, именно затем, чтобы поговорить, я ее сюда и привел. И поговорить хотел как раз о ее влюбленности в меня, о том, что «Ты мне очень нравишься, но, извини, между нами ничего быть не может: я почти женат, у меня почти есть ребенок...», о том, что влюбленность пройдет, о том, что это вообще неправильно – роман преподавателя со студенткой. Но после того, что здесь произошло...

Нет. Все равно нельзя.

– Я правда все сдам! – залепетала Катя, облизывая опухающие губы. – Просто Младший болел полмесяца, вот я...

– Я не об этом. Кать, этот поцелуй... Ошибка. Это неправильно. Между нами ничего не может быть.

– П-почему? Я знаю, что вы не встречаетесь со студентками из принципа, но я могу перевестись! На другой факультет, в другой вуз, куда угодно!

– Олеся беременна.

Она поперхнулась.

– От вас?

– От меня.

– Но вы же расстались!

– О ребенке она узнала уже после расставания. А я узнал тогда, на Камергерском. Мы поженимся после Нового года.

– Поздравляю, – тихо сказала Катя и опустила глаза. –

А говорили, что не любите ее.

– Не люблю.

– Как же вы собираетесь жить вместе?.. Без любви?

– В жизни все не так просто, девочка. – Я облокотился на закрытую дверь и прикрыл веки. Дыхание выравнивалось, сердце билось в стандартном режиме, все галлюцинации про цветные всполохи прошли. Да и были ли они? Это же просто поцелуй!

– Она носит моего ребенка. И хочет официально оформить отношения, чтобы ребенок был законнорожденным.

– Чепуха какая! – возмущенно перебила она. – Мы же не в Средневековье живем, запишите его на свою фамилию, и дело с концом. Зачем жениться?!

Я не ответил.

– Все очень сложно.

– Этим поцелуем вы еще больше все осложнили, – Катя подняла с пола сумку, закинула ее на плечо и подошла ко мне. – Отойдите.

– Прости меня.

– За что?

– За это.

Я осторожно, двумя пальцами приподнял ее подбородок и вновь поцеловал. Просто уточнить. Про всполохи.

На что еще я рассчитывал после того, как сообщил ей, что наш первый поцелуй был ошибкой? Естественно, она вырвалась и со всего размаха залепила мне пощечину.

– Я вас ненавижу! – зашипела она, как змея. – Ненавижу всеми фиб...

Она меня ненавидела, это точно. Зрачки расширились, сердце забилось вдвое быстрее, температура тела подскочила, феромоны стали выделяться в повышенном количестве и окончательно сорвали мне башню.

Я сгреб ее в охапку, впился губами в ее губы и не отрывался, пока она не перестала брыкаться и не ответила на поцелуй. И все повторилось с точностью, как в первый раз – головокружение, упоительная сладость, мгновенное возбуждение... Значит, не показалось. Значит, что-то такое наркотическое для меня содержится в ее слюне.

У Кати зазвонил мобильный. Не отрываясь от меня, она достала из сумки телефон и дрогнувшим голосом ответила на звонок.

– Алло?... Эм... Нет... Точнее, я на кафедре, а Игорь... – она запнулась.

– Владимирович, – подсказал я.

– ...Владимирович... уже ушел. Давно, минут десять назад.

Я отобрал телефон, выключил его, кинул на стол и прижал девочку к себе. Она прижалась лбом к моему плечу и судорожно вздохнула.

– Это – тоже ошибка?

– Катя, я... – «Катя, я не хочу тебя отпускать! Мне никогда еще не было так сладко, так... Мне никогда еще не было *так!*

Твои губы, волосы, тепло кожи... Все сводит с ума! Но мы не можем быть вместе. Нам нельзя. Мы не вправе...» – Я что-нибудь придумаю. В конце концов, можно быть просто друзьями?

Угу, очень умно. А как по-взрослому!

Но она кивнула.

Едва за ней закрылась дверь, я обессиленно сполз по стене на пол.

Молодец. Уговорил, называется, девочку меня забыть. Теперь я, такой весь из себя принципиальный, никогда не зарившийся ни на одну из своих студенток, свято следующий преподавательской этике, сижу на полу в кабинете замдекана и морщусь от боли в паху, потому что самая сильная эрекция в моей жизни еще не успела опасть.

«Нам нельзя... мы не можем... мы не вправе...» Более чем правильные, грамотные мысли. Надо повторять их как мантру.

Три часа. Три часа подряд я чуть ли не вслух повторял, что «нельзя-не-можем-не-вправе», принимая у пятого, Катиного, курса домашние задания, контрольные работы и прочие эпистолярные попытки студентов убедить меня в своих знаниях. Три часа я нервно шелкал ручкой, усилием воли стараясь не смотреть на Катю и пытаюсь не дышать, потому что был весь окутан сладковатым ароматом ее духов. Три часа старался не моргать, потому что стоило прикрыть глаза, как все мысли и чувства возвращались наверх, в кабинет зам-

декана. А стоило Катке мельком на меня взглянуть или задумчиво облизать губы, как член оттягивал из мозга кровь на себя, и я вообще переставал соображать.

Нельзя.

Нет.

Это совершенно не в моих правилах.

Я испорчу ей жизнь.

И еще раз: нет. Или?..

В конце концов я выиграл борьбу с совестью. Блин, ну что будет от одного раза?! Один раз переспим, и я успокоюсь. А ей потом чего-нибудь наплету. И ничего ей не испорчу. Подумаешь, маленькая интрижка. Все так делают, чем я хуже? Точнее, чем я лучше?

Поэтому сразу же после занятий я позвонил Кате и сказал, что буду ждать в машине у первой проходной. И как только она залезла в салон, буквально набросился на нее с поцелуями.

– Вижу, вы договорились со своей совестью, – ухмыльнулась девочка.

– Скажем так: мы пришли к консенсусу, – дипломатично ответил я.

* * *

– Вик, у тебя... только не смейся! У тебя когда-нибудь было такое, что от одного поцелуя с женщиной готов был

кончить?

В офисе уже никого не было и мы с Виктором сидели в кабинете программистов, любовно называемым ими «стеклярус» из-за плексигласовых перегородок на рабочих местах, делавших помещение похожим на аквариум.

Вик оторвался от компьютера и с любопытством на меня посмотрел. Я сделал вид, что нашел что-то очень интересное в кружке с кофе.

– Боюсь, что именно с женщиной и было. А что? Олеся так классно целуется?

– Не Олеся...

– Ага... Ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Пока нет. Так было?

– Было.

– Вот именно так: целуешься с ней и думаешь о ведре мертвых котят, чтобы не кончить прям в штаны?

– Я думал о китайской теореме «Об остатках».

– Помогало?

– Не всегда, – уклончиво ответил Виктор и отвернулся к монитору.

– Не всегда?! То есть ты...

– Кольцов, я не готов обсуждать с тобой столь интимные аспекты моей жизни.

– Ладно. Но про теорему – запомню... А то котята уже не спасают.

Я сидел, закинув ноги на стол, держа ноутбук на коле-

нях, и вносил правки в техническое задание по одной фирме, с которой мы начали работать буквально пару дней назад. Вик заканчивал писать обработку отчетов для них же.

– Ведро мертвых котят! – усмехнулся он. – Ну и фантазия у тебя!

– Теорема «Об остатках», конечно, оригинальнее.

– Мертвые котята – статичная картинка, а если ты думаешь о какой-нибудь, не обязательно китайской, теореме, то невольно начинаешь ее доказывать или опровергать. То есть банально отвлекаешься от процесса поцелуя, соответственно, возбуждение спадает.

– Я смотрю, ты спец в этом вопросе.

Вик пожал плечами, но не ответил.

– И кто же в твоей жизни так волшебнo целовался, что ты в штаны спускал, если не успевал вспомнить теорему Эйлера? – продолжил допытываться я.

– Ты грубая, бесчувственная свинья.

– Если я соглашусь с этим определением, ты расскажешь?

– Аня.

– Аня?!

– Аня целовалась и целуется так, что я с трудом себя сдерживаю.

– Все пять лет? – с сомнением спросил я, но в этот момент в «стеклярус» вошла Аня. – Анна, у тебя когда-нибудь случался оргазм с одного только поцелуя? Ну, там без ласк всяких и прочего... Вик, ты пока отвернись и не слушай.

– Случался, – не дрогнув, ответила она, – и до сих пор периодически случается.

Она с карамельной нежностью посмотрела на Вика и села к нему на колени.

– На вас противно смотреть, – буркнул я и отвернулся к ноуту.

– Ты просто завидуешь. О чем он? – спросила она у мужа. Вик махнул рукой.

– Нашел какую-то барышню, от поцелуев с которой у него сносит крышу.

– И это не Олеся?

– Не Олеся.

– Хм, как интересно! Какие еще симптомы? – обратилась она ко мне, и мне показалось, что я на приеме у психоаналитика.

– Опять подозреваешь у меня маниакально-депрессивный психоз? – едко бросил я, но Аня давно привыкла к моим выпадам в свой адрес.

– Почти. Сейчас я на тебе один тестик опробую, мне как раз данные для курсовой нужны. – Аня выбежала из «стекляруса» и вернулась с кипой конспектов и анкет в руках. – Но постарайся отвечать честно.

Я отложил ноутбук и сел в кресле поудобнее. Анька получает второе высшее в МГУ на психфаке и довольно часто мы с Виком становимся подопытными кроликами, на которых она «опробывает» очередной «тестик».

– Так... Значит, смотри: я буду говорить тебе так называемые «признаки», а ты...

– Признаки чего?

– Ключ к тесту – в конце. Я называю «признаки», а ты отвечай, есть такое в твоей ситуации или нет. Поехали. «Признак первый: сексуальное влечение». У тебя есть сексуальное влечение к объекту?

Я ответил не задумываясь:

– Да. Сильное. Очень.

– Угу. Дальше. «Признак второй: стремление к душевному контакту». Это значит, что ты всячески стремишься общаться с объектом – ну там по телефону, или в интернете, или вживую.

– Ну-у... Не знаю. Спорно. Скорее да, чем нет.

– «Допуск во внутреннее пространство», то есть можешь ли ты...

– Нет. Точно нет, без объяснений.

– «Готовность идти на жертвы». Есть такое? Можешь поступиться своими принципами ради нее?

Я мысленно хмыкнул: вся связь с ней есть одно сплошное попираание моих принципов.

– Пусть да.

– «Признак пятый: забота». Стремление заботиться, предугадывать желания, исполнять их.

– В общем, пожалуй, да...

– И, наконец, последний, шестой признак: «Стремление

отгородить от боли и обид».

– Да. Несомненно.

Именно из-за желания оградить ее от боли я стараюсь не рассказывать Кате о том, что Олеся живет со мной, и что мы регулярно занимаемся сексом, и что моя будущая жена уже таскала меня на примерку свадебного платья.

– Итак, результат, – Анна широко улыбнулась, показывая Вику конспект. Вик снисходительно хмыкнул и продолжил программировать.

– Ну что там? – я нетерпеливо заерзал на кресле.

– Игорь, ты влюбился.

– Что?!

– Влюбился, – Аня развернула конспект и я увидел, что все «признаки» были аккуратно вырезаны из глянцевого женского журнала.

– Это бред.

– Не-а, все сходится.

– Это бред! Я просто... – Я посмотрел на Вика в поисках поддержки, но тот упорно делал вид, что занят кодом. – Я просто хочу ее. Вождедею! И все. Это простая физиология.

– Не без этого, конечно, но в качестве бонуса – любовь.

– Это невозможно.

– Это возможно. Или ты считаешь ниже своего достоинства...

– Нет! – Я так резко вскочил с кресла, что ребята вздрогнули. – Я не мог влюбиться в... – Я осекся. Вик и Аня син-

хронно подняли на меня головы. – Не важно... Все. До завтра.

Я захлопнул крышку ноутбука, забыв сохранить труды последнего часа, и выбежал из «стекляруса». Нет, ну надо же, придумали! Влюбился! Да никогда! Тем более в свою студентку. Что за ерунда?! Ничего я не влюбился. Я вообще почти женат.

Но и дома я никак не мог перестать думать о дурацком тесте. Пытался анализировать свои ответы на вопросы, мысленно отвечал по-другому, но в итоге результат был один. Влюбленность. Простая и обыкновенная.

* * *

С Олесей мы созванивались каждый вечер в одиннадцать по Москве. Она захлеб рассказывала о съемках, а я по мере возможности старался вовремя поддакнуть.

– Вот такие новости. А знаешь, что еще?

– М?

– Наверно, придется остаться здесь еще недели на полторы. Ты как, не возражаешь?

– Не возражаю, красавица, – буркнул я, – делай, как тебе нужно.

– Игорь! Мы будем встречать Новый год в разных странах, а тебе пофигу! Ты как будто не скучаешь по мне! – возмутилась Олеся, и я поспешно изобразил живейший интерес

к беседе. А то опять начнет нудить, мол, ты такой черствый, сухой, тебе не интересна жизнь матери твоего будущего ребенка...

– Ну что ты, я очень скучаю, и я просто в ступоре от ужаса, что мы будем отдельно встречать Новый год! Да и устал я немного.

– Ой, мой бедненький! А что ты сегодня делал, что так устал?

Ну, с утра я заехал за Катей, и мы опоздали в институт, потому что слишком долго целовались в машине у ее подъезда. Затем я принимал зачет у первой группы второго курса, потом – экзамен у второй группы первого курса, потом еще у какой-то группы какого-то курса принимал что-то там, а вечером отвез Катю домой и чуть не кончил прямо в штаны, оттого что во время прощального поцелуя она слишком нежно провела рукой по моей груди и локтем задела пах. А как только я вошел в квартиру, то сразу ей позвонил, и мы протрепались по телефону еще часа полтора. Вот только десять минут назад закончили. Член вот все еще стоит от ее необыкновенно обольстительного шепота.

– Да ничего особенного. Ты же знаешь – сейчас сессия. Я сутками в институте... А ты как себя чувствуешь?

Олесино самочувствие было беспрюигрышным вариантом смены темы. Она тут же пускалась в пространные рассуждения насчет бесконечного токсикоза, головокружений, а также рассказов о том, что иногда ей хочется съесть ка-

кой-нибудь дряни, типа селедки в клубничном соусе.

Весь этот словесный кошмар я слушал вполуха и как только замечал паузу в монологе, вставлял: «Какой ужас! Ты смотри, осторожнее там...» Обычно этого было достаточно.

– ...и обязательно надо сдать кровь по приезду, потому что мне тут одна девочка сказала, что частые головокружения – это признак низкого гемоглобина, а поднять его можно только...

– Кстати, о низком гемоглобине, – встрепнулся я. – Ты не узнавала о результатах того анализа, который ты сделала перед отъездом?

Скрининг, сканнинг – как там его? Как продвинутый будущий отец, я начитался всякой ерунды в интернете и узнал, что по результатам этого анализа можно узнать – даун мой ребенок или нет.

– А, ну да, совсем забыла. Ну, вот приеду и сразу к врачу побегу.

Я рассеянно кивнул, забыв, что она меня не видит.

– Ладно, красавица, я спать. Устал очень.

– Конечно, зайчик! Чмоки-чмоки!

Меня передернуло. Надо отучать ее от таких жутких неологизмов.

Я лениво пощелкал кнопками пульта от телевизора и на одном из самых позитивных каналов центрального телевидения напоролся на передачу о детях-даунах. Очень вовремя. С каждым кадром я все больше холодел: и вот *это*

вот мне придется, если что, воспитывать?! Нет уж. Не буду ждать, пока она прилетит. Завтра же пойду к ее врачу и узнаю результаты анализа. Вряд ли это будет так просто, ведь анализы первому встречному не выдадут. Но будем надеяться на лояльность Олескиной гинекологини, с которой та вроде бы была вполне себе дружна.

В восемь утра я стоял перед кабинетом врача-гинеколога и с ужасом рассматривал фотографии родов. Олеся как-то заикнулась о том, чтобы я присутствовал при рождении ребенка, и, в общем-то, эта идея показалась логичной – любишь кататься, присутствуй на родах! – но теперь у меня резко убавилось энтузиазма.

– Вы ко мне? – врач, женщина глубокого постбальзаковского возраста, с любопытством окинула меня взглядом и открыла дверь кабинета.

– Да, здравствуйте! Моя... – я запнулся, – моя жена просила уточнить, насчет...

Я защелкал пальцами, вспоминая название анализа.

– Результаты анализов сторонним людям не выдаются, мужчина, вы в своем уме?

– Понимаете, она себя неважно чувствует и просила меня заехать. К тому же у меня есть рецепт...

Я положил под стопку чистых направлений пятитысячную купюру.

Врач поджала губы.

– Фамилия?

– Шнайдер.

– Олеся? Замуж вышла? Надо же... – Она еще раз с интересом на меня посмотрела.

– Ну... почти. Свадьбу после праздников сыграем. Так вот она просила узнать о... как же это?

– Как ее месячные? Пришли? – перебила меня врач. Она уже успела найти Олесину карту и деловито ее листала. – Первая менструация после операции чаще всего начинается через месяц, но бывает, что и через три.

– К-какой операции? – переспросил я.

– Операции искусственного прерывания беременности. Так называется аборт по-научному. Как раз сегодня, – она посмотрела на календарь, – прошло ровно тридцать дней. Вы сказали, она себя плохо чувствует? Ей срочно надо на осмотр!

– Нет-нет, – сдавленно прошептал я и тоже посмотрел на календарь. Тридцать дней. – Простыла просто.

Она все-таки сделала аборт. И сделала его на следующий же день, как рассказала мне о беременности. И когда я ей звонил и просил не убивать ребенка, никакого ребенка уже не было.

Врач тем временем затянула познавательную лекцию о строении женских половых органов, о том, что половую жизнь после аборта надо начинать не ранее, чем через три недели, и особенно она нажимала на то, что теперь предохраняться надо более тщательно, так как немало случаев бе-

ременности, наступившей сразу после аборта. Вот почему Олеська настаивала на сексе еженощно – чтобы залететь. Хм, как бы она оправдала беременность, длящуюся на несколько месяцев дольше положенного?

Я с вежливым интересом выслушал всю гинекологическую информацию, вываленную на меня, и, заверив, что Олеся обязательно ей позвонит «если что», спрятал в карман бумажку со списком витаминов, попрощался и выско-чил из кабинета, на ходу доставая мобильник.

Олеся ответила не сразу – я забыл про разницу во времени.

– Привет, красавица! – радостно воскликнул я. – С Наступающим!

– И-игорь, – сонно пробубнила она. – Сегодня же только двадцать девятое... И у нас, между прочим, только шесть утра!

– Прости, милая, но мне просто не терпелось узнать, как твои месячные? Не болезненные ли? А то, как я только что узнал у твоего гинеколога, первая менструация после аборта может доставить крайне неприятные ощущения. Если это так, то можешь приложить к животику грелку и выпить две таблетки ношпы.

– Откуда?.. Кхм... – Олеся мгновенно проснулась. – Игорь, я все объясню!

– Попробуй. Даже любопытно.

– Да, я сделала аборт на следующий же день, как тебе рас-

сказала. Но потом ты позвонил, попросил оставить ребенка, сказал, что мы поженимся, и я... я...

И, конечно, она сорвалась в слезы. Судорожно вздыхая, Олеся пыталась оправдать свой поступок какой-то невероятной любовью, желанием создать семью со мной. И вообще, она, скорее всего, опять беременна, потому что симптомы совпадают.

– Вряд ли, – безразличным тоном ответил я. Разговор уже потерял для меня всякий интерес, хотелось поскорее его закончить, пока поднимающееся глухое раздражение не вылилось в угрозу убийства. – Те таблетки, которые ты горстями глотала, – это же не витамины, да? Это антибиотики, которые тебе прописали после операции. Врач сказала, что пока ты их пьешь, беременность наступить не может. Ладно, мне пора. Постарайся не попадаться мне на глаза, когда за вещами приедешь. Ключ кинь в почтовый ящик.

– Игорь, пожалуйста, выслу...

Я сбросил вызов.

* * *

День накануне 31-го как всегда выдался сумасшедшим: зачеты, прием долгов, два экзамена, покупка подарков. Катя попросила в качестве подарка скромно – чудо. А еще надо было собрать вещи, потому что рейс первого вечером, и вряд ли у меня будут силы после празднования, значит,

стоит упаковать чемодан и лыжи заранее.

Катьке я позвонил, уже почти подъехав к ее дому, в начале двенадцатого вечера.

– Привет, Катенок!

– Приве-ет, – протянула девочка безрадостным голосом.

– Ты дома?

– Угу...

– Что-то случилось? – я напрягся.

– Да, в общем, нет. Ничего не случилось.

– А в частности?

– Вы ведь не отстанете?

– Нет, конечно.

– Тогда точно ничего не случилось.

– Кать, я же слышу.

Катя вздохнула и, почти всхлипывая, начала бормотать:

– Ничего не случилось. Честно. И в этом вся проблема.

Мы видимся, только сталкиваясь в универе, и я почти сгораю от тоски и невозможности побыть с вами лишние пять минут... Те разы, что вы подвозили меня до дома, и мы... – «И мы сладко целовались», хотел подсказать я, но не стал ее перебивать. – Я не должна ни на что претендовать, ведь мы просто друзья. Хоть и слишком близкие... Но... Сегодня тридцатое. Завтра Новый год. Потом вы уедете, а потом...

– ...а потом приеду! Тем более обещаю, что звонить буду каждый день. Катька! Что за депрессивные мысли накануне праздника?! – У меня отлегло от сердца. Моя девочка просто

скачает! – Редко видимся, да. Так сейчас время какое горячее! Разве у тебя не было таких же проблем в сессию с твоим малахольным?

Малахольный – это Мельников. Катя как-то обмолвилась, что он чуть не расплакался, провалив очередной зачет. После этого у меня появилось к нему какое-то жалостливое чувство брезгливости.

– Были... Но... тут другое...

– Какое? – передразнил я ее. – Кстати, знаешь, что я хочу от тебя в подарок на Новый год?

– Поздно. Я вам уже шоколадку купила.

– Тогда хватай свою шоколадку и спускайся, – рассмеялся я и нажал на сброс.

Буквально через пару минут Катя выбежала из подъезда. В майке! Зимой! Вот поганка, заболеть хочет!

Я по-стариковски укоризненно покачал головой и снял с себя куртку.

– Кто же так делает, глупенькая? – Катя нетерпеливо прыгала, пытаясь меня поцеловать, а я тщательно заворачивал ее в куртку. – Быстро в машину!

В машине было тепло, и, согревшись, девочка разделась, оставшись в футболке.

– Как патриотично, – заметил я, кивая на название нашего института у нее на груди.

– А, это? Дорогие одноклассники подарили на день рождения еще на первом курсе. Хорошо, что вы сзади не видели.

Там... менее пафосно и матом.

Я снисходительно улыбнулся, но когда она взяла мою руку и приложила ладонью к своей щеке, уже не смог сопротивляться, притянул ее к себе и поцеловал.

Дыхание мгновенно перехватило. Ни одной мысли в голове, в ушах стучат тамтамы. Теорема об остатках! Теорема об остатках! Срочно! «Если натуральные числа... попарно... взаимно просты... то для любых целых... Блядь! Что там дальше?!»

Я отстранился. Надо делать передышки, а то в джинсах уже совсем тесно.

– У меня новость: Олеська не беременна.

– Как это?

– Она все наврала. Видимо, очень хотелось замуж.

– Дрянь какая! А как это обнаружилось?

– Случайно. Я был в женской консультации, куда она на учет по беременности якобы встала. Врач сказала, что последний раз видела ее месяц назад, когда выписывала направление на аборт... И есть еще одна новость.

Катя приготовилась внимательно слушать, все еще сжимая мою ладонь в своих.

– Конец нашей с тобой дружбе, – с самым серьезным и строгим выражением лица произнес я. Девочка побледнела, но я не стал долго ее мучить и сказал: – Конец дружбе и начало нормальных отношений.

– Не верится, – с облегчением выдохнула она. – У нас с ва-

ми не может быть нормальных отношений. Все как-то через...

Я не дал договорить, заткнув ей рот поцелуем.

Мы еще лениво пообсуждали, какая Олеська зараза, прерываясь на долгие поцелуи, но я постоянно косился на часы, боясь пропустить момент.

Тихонько пискнул мобильник – пора!

– Вы торопитесь? – недовольно спросила Катя.

– Нет, но...

– Тогда в чем дело? – Она потянулась за очередной порцией наркотических поцелуев, но я уже приготовился разыгрывать спектакль под названием «Назад в будущее».

– Катя, – торжественно начал я, – как называется эта машина?

– Игорь Владимирович... Вы в порядке?

– Скажи.

– «Порше», вот же на руле эмбле...

Но на руле прозрачным скотчем была прилеплена бумажка с эмблемой другой машины. «GMC». Интересно, угадает?

– «Дженерал Моторс»?

– Молодец, девочка! – Я удовлетворенно чмокнул ее в щеку, перегнулся через сиденье и достал бутылку детского шампанского и два пластиковых стаканчика. – Представь, что это «Де Лориан».

– Машина времени! И куда мы сейчас отправимся? – Катя включилась в игру и заинтриговано следила, как я открываю

шампанское и разливаю его по стаканчикам.

– Мы уже на месте. Посмотри, какое сегодня число и сколько сейчас времени, – я протянул свой мобильный и сделал звук магнитолы погромче.

– Тридцать первое декабря?! Через десять минут Новый год!

Я кивнул и приложил палец к губам.

– Слушай...

По радио заиграла пафосная музыка, предшествующая новогоднему обращению президента к народу.

– Дорогие друзья, – начал глава государства. – Прошел еще один год, и в этот год...

– Но как?! – Катя потрясенно переводила взгляд с магнитолы на меня.

– Т-с-с-с, слушай!

Девочка восторженно вслушивалась в прошлогоднюю речь президента, слегка подмонтированную моими программистами – всего-то надо было заменить числительные. И когда гарант прав и свобод человека почти радостно поздравил нас с будущим Новым 2010 годом, Катя ахнула и прижала ладошку к губам. Забили куранты.

– С Новым годом, Катенок! – я легко коснулся губами ее щеки. – Загадывай скорее желание, мы возвращаемся в прошлое.

Куранты пробили положенное количество ударов, заиграл гимн, но на втором куплете запись прервалась, и магнитола

автоматически переключилась на радио.

– Это невероятно... – Катя потрясенно качала головой. – Этого просто не может быть! Вы, наверно, смонтировали запись и...

Я закрыл ей рот рукой. Блин, сейчас весь сценарий испортит!

– Отключи свои технические мозги хотя бы на пару минут.

– Вы правы... Простите, – она улыбнулась и подняла стаканчик с шампанским. – Это самая потрясающая встреча Нового года! В будущем!

– Ты просила в подарок чудо. Получилось?

– Получилось...

Она отставила стаканчик, обвила меня руками и поцеловала так, что я почувствовал реальное опьянение от безалкогольной шипучки. Поцелуи были с искусственным вкусом искусственной клубники, с покалыванием на языке от пузырьков, под джазовые баллады из радио... Член окаменел. Никакие доказательства никаких теорем уже не спасали. Отрезвляло только Катькино бесконечное «выканье» в мой адрес. Я ей языком до гланд достаю, а она по имени-отчеству меня называет!

– Вы – волшебник? – спросила она, когда я разливал последнюю порцию шампанского.

– Вот, кстати, про «вы – волшебник». Я могу у тебя попросить кое-что в подарок?

– Блин, подарок! – Катя полезла в задний карман джинсов, но я остановил ее руку.

– Кать. Это не материальный подарок, а такое же чудо.

– Но...

– Я прошу тебя не называть меня на вы. И по отчеству.

Девочка захныкала, уткнувшись лицом в мое плечо.

– Может, лучше шоколадку?

Я отрицательно покачал головой, хотя с детства за плитку шоколада готов был продаться на галеры.

– Это сложно-о, я даже мысленно вас на вы называю...

– И по имени-отчеству?!

– И по имени, и по отчеству.

– Кать... – я лукаво прищурился, – а в постели ты меня тоже по всем званиям будешь называть?

Катя замерла, но губы сами по себе растянулись в улыбке, выдавая все ее нескромные мысли на этот счет.

– Вот когда дойдем до постели, тогда и посмотрим.

Я засмеялся. Дойдем, девочка, обязательно дойдем. А то я уже мозоли на руках натер, вспоминая по утрам твои влажные губы.

– Закрой глаза.

Катя послушно зажмурилась. Я достал из куртки коробку с украшением.

– Повторяй за мной: спасибо...

– Спасибо...

Я откинул ей волосы, обнажая шею.

– ...тебе...

– ...вам...

– Тебе!

– ...тебе...

– ...Игорь.

– ...Игорь Владимирович...

– Игорь!

– ...Игорь...

– Можешь открывать.

Катя открыла глаза и дотронулась пальцами до кулона.

Это было оригинальное украшение в виде цветка, у которого один лепесток как будто оторвался. Вещь нереально дорогая из-за драгоценных камней, украшавших лепестки цветка, и в какой-то момент я испугался – а оценит ли девочка такую роскошь?

– Цветик-семицветик! Еще одно чудо!

– С Новым годом, Катенок. Этот цветок будет приносить тебе чудо каждый день.

– Спасибо... – прошептала она.

– ...тебе, Игорь! – добавил я.

Катя посмотрела мне в глаза и медленно, как молитву, произнесла:

– Спасибо... тебе... Игорь.

Ну, наконец-то! Я крепко ее обнял и прошептал в ухо:

– Видишь, как все просто?.. Ой, это же моя шоколадка! –

Я потянулся и выдернул из заднего кармана ее джинсов ка-

кой-то футляр. – Та-ак... Скажи, что это – шоколадка.

– Шоколадка-шоколадка. Открывайте... Открывай то есть.

Я открыл и замер. В бархатном футляре лежала перьевая ручка. «Паркер». И судя по стопке брошюрок – родной-пре-родной.

– Кать, это...

– ...шоколадка со вкусом перьевой ручки!

– Это «Паркер».

Она кивнула.

– Родной.

Опять кивнула.

– Нет.

– Правда, родной! Вот сертификат и...

– Я не об этом.

– Не нравится?

– Нравится... – Я любовно провел пальцами по полированной поверхности ручки. – Но я знаю, сколько она стоит!

Знаю, потому что купил сегодня такую же в подарок Вику. А потом не удержался и купил себе такую же.

– И?

– И *нет*, я не могу принять от тебя такой дорогой подарок, – я решительно закрыл футляр и протянул его Кате, но девочка отдернула руки.

– Почему?!

– Это слишком дорого! Ты – безработная студентка с ко-

печной стипендией, и...

– Но я же не побираюсь! Не голодаю! И деньги на подарок не у родителей взяла, а именно со стипендии откладывала.

– Нет.

– Тогда выкинь, на хрен, в окно! – вспыхнула она и отвернулась, насупившись. – Зря только почку продала.

Я расхохотался.

– Ну-ка, покажи шрам! – я резко отъехал на кресле назад, подальше от руля, потянул Катю на себя и, едва она на меня перелезла, тут же запустил руки ей под майку. И чуть не кончил от неожиданности, обнаружив, что под майкой нет бюстгалтера... Ее грудь, упругая, с твердыми сосками; шелковистая кожа с капельками пота на позвонках; горячее, сбивающееся дыхание; глаза, влажные от желания... руки, требовательно расстегивающие рубашку... Нет, нет, не ерзай, я же сейчас...

– Стоп, – я дернулся как от тока, почувствовав ее поцелуй на своей шее.

Катя отстранилась.

– Что не так?

– Если мы не остановимся... – Я трижды глубоко вдохнул, пытаюсь унять сердцебиение.

– Да, вы правы, – она согласно кивнула и оправила майку. – В смысле, ты прав... Проводишь меня?..

Глава 5

Новый год встретили шумно и весело, первого вечером улетели в Сочи и в полете продолжали праздновать всем самолетом. Как заселялся в отель – не помню, но, проснувшись утром с чудовищной головной болью, обнаружил, что вещи и документы на месте, а лыжи скромно притулились в углу прихожей. Сервис, однако!

Первую неделю я катался, не замечая ничего вокруг: рано утром завтракал, затем на склон до сумерек, потом ужин и спать. Уставал так, что пару раз засыпал на кровати одетый.

Однако каждый день в десять вечера на мобильном срабатывала «напоминалка», я набирал Катин номер, и мы по часу и дольше разговаривали ни о чем. Каждый день – об одном и том же. Сначала я рассказывал ей, как замечательно сегодня покатался, потом она мне – что гуляла с какими-то левыми парнями. Я громко и утрированно ревновал и занудствовал, что-де надо к экзаменам готовиться, а не по каткам с парнями шляться. Затем обсуждали планы на завтра и долго прощались. На следующий день разговоры повторялись почти дословно, но, как это ни странно, не вызывали скуки.

Все изменилось за четыре дня до отъезда.

После моего очередного, явно приукрашенного рассказа, как я чуть не убился на склоне, Катя неожиданно спросила:

– Ты кому-нибудь на кафедре говорил о нас?

– Конечно, нет! А что?

– Да Перумов тут выдал... Я на его экзамен опоздала: пришла, а все уже пишут. Ну, он номер билета записал, зачетку взял – все как надо, в общем. А потом, когда я на место шла, он меня за локоток так, по-отечески, придержал и молвил, мол, Катя, я, конечно, понимаю, что все твои мысли обращены в Сочи, но постарайся сосредоточиться и ответить достойно... Вот я и думаю, откуда бы ему знать, что все мои мысли – в Сочах?

– В Сочи, – невольно поправил я. – Что ж, это только подтверждает мою теорию, что он – инопланетянин.

Катя рассмеялась.

– Ну чего ты смеешься? Я уже двадцать лет преподаю на кафедре, а он хоть бы на грамм изменился. И двадцать лет назад он так же все видел, слышал и все про всех знал.

– А мы с одноклассниками считаем, что он – биоробот! Что у него есть сканер-антенна и что он ею нас всех просвечивает насквозь. Некоторые даже считают, что если постоять с ним подольше – рак можно излечить или, там, СПИД.

– Да? Может, и так. Но в любом случае он не человек.

– Сверхчеловек! А вдруг он...

– Так, ты лучше расскажи – сдалась-то достойно?

Девочка замялась.

– Понимаешь, он когда про Сочи-то упомянул, у меня все из головы и вылетело. Ответила кое-как...

– И что он тебе поставил?

– «Хор.».

– «Хор.»?! Понятно. И то он, наверно, из жалости тебе «хор.» вляпал... В общем, опозорила ты мои седины пред Магистром.

– Извини.

Да шутил я. Мы встречаемся – без году неделю, и я еще не решил, как реагировать на Катины оценки в частности и учебу в целом. Но повисла напряженная тишина. Видимо, Катю моя фраза все-таки задела.

– Если бы ты не был моим преподавателем, как бы ты реагировал на мои оценки? – спросила она после театральной паузы. – На никому не нужные, ничего не значащие оценки?

– Ты обиделась?

– Нет, но сам подумай: учись я на соседнем факультете, ты бы даже внимания не обратил, что я как-то не так сдала экзамен. «Четверка» – это нормальная оценка.

– Учись ты на соседнем факультете – мы бы не познакомились.

– Ну и прекрасно бы было, – выпалила она.

Я потрясенно замолчал. Что значит «прекрасно бы было»?

– Тебя что-то не устраивает? – спросил я ледяным тоном.

– Меня все устраивает, но согласись, нам было бы проще общаться, если бы я училась на другой кафедре.

– То есть... поправь меня, если я ошибаюсь, тебе сложно со мной общаться?

– Ну... Да, мне сложно.

– В чем же сложность?

– Нам... Мне сложно абстрагироваться от того, что ты мой преподаватель, а я твоя студентка.

Я усмехнулся. Оказывается, это *ей* сложно абстрагироваться. Ну-ну.

– Катя... У нас с тобой отношения начались за сутки до Нового года. После чего я уехал сюда, и весь наш роман заключается в... – я посмотрел на мобильный, – семи с половиной часах телефонной болтовни. И в каком месте тебе сложно абстрагироваться?

– Именно в этой телефонной болтовне.

– Подробнее.

– Я постоянно фильтрую, что тебе можно рассказать, а что нет.

– О боги, – я застонал. – Ты действительно думаешь, что если расскажешь, что вы там с друзьями сидели в баре и матом крыли и меня, и мою криптографию, я восприму это близко к сердцу? Или что большая часть из вас так же, как ты, ни слова не понимает и сдавать экзамен летом будет левыми путями? Или ты боишься навредить своим друзьям, случайно проболтавшись перед экзаменом, что, дескать, Мельников сделал обалденные «шпоры» и спрятал их под чехол мобильного?!

Я почувствовал, что буквально закипаю от гнева. Я, блядь, работой рискую, спутавшись с ней, на все свои принципы

ногой наступил, правила нарушил, а ей *сложно со мной общаться!*

– Чего ты еще не можешь мне рассказать? Что ты отфильтровываешь такого, чего я за сто лет преподавания не успел узнать?

– Игорь, пожалуйста, не заводись! Я вообще не это хотела сказа...

– Каждый год через меня проходит одинаковое стадо баранов, которые считают, что они в свои постшкольные годы невероятно умны, хитры и изобретательны. Только все ваши детские игры в «обмани препода», – я махнул рукой, – ясли.

Катя молчала.

Меня трясло. Надо остыть.

Не выключая мобильный, я сунул его в карман джинсов и зашел в ванную ополоснуть лицо водой. В мини-баре нашлась бутылка мерзких «Ессентуков», но горло так пересохло, что сейчас и вода из-под крана показалась бы «Святым источником».

– Пиво пьешь на ночь? – севшим голосом спросила Катя, и я – уже давно слышащий в трубке лишь треск километров между нашими городами, – подавился водой. В носу неприятно закололи пузырьки газа.

– Это «Ессентуки».

– В банке?!

– В бутылке. Стеклоанной.

– Отрава.

– Согласен.

Мы опять замолчали. И если честно, впервые мне захотелось послать все к черту. Бред какой, как я вообще с ней мог связаться? Целуется нереально? Да пошла на хрен, другую найду.

Еще пара минут молчания и я, пожалуй, действительно послал бы ее к чертям. Но Катя будто почувствовала мое настроение.

– Мне пора в загон, – пробормотала она. – К остальным овцам и баранам в стадо.

– Очень смешно.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – я уже почти нажал кнопку отбоя, но в последнюю секунду Катя практически крикнула:

– Игорь!

– Что? – без тени заинтересованности спросил я.

– Я... ужасно скучаю!

Да, это был наш ритуал прощания: мне полагалось ответить что-нибудь вроде «Девочка моя, я тоже!»

Но я долго молчал, а потом сухо попрощался и нажал на сброс.

Швырнув телефон на кровать, схватил куртку и вылетел из номера, от души шарахнув дверь. Нужно выпить. Чего-нибудь в разы крепче «Ессентуков».

Фильтрует она, блин! Дура малолетняя. Вот вам, пожалуйста: все прелести отношений со своей студенткой. Еще

и экзамен Перумову сдала криво. Интересно все-таки, откуда он про нас знает? Он в теме, что я каждый год катаюсь на лыжах, – это да, но про Катю, по идее, не должен был знать. Точно биоробот. Сидит сейчас где-нибудь, подзаряжается от сети. И пеленгует меня и мои мысли. На всякий случай – доброго вечера, Магистр!

В баре было многолюдно. Свободный столик искать я не стал, заказал двойную порцию виски прямо у стойки. Меня все еще трясло от разговора с Катькой и хотелось побыть одному и хорошенько повариться в своей злости, но – не судьба.

– Привет! – Справа от меня материализовалась барышня.

– Ага, – кивнул я, не оглядываясь на нее, залпом осушил бокал и махнул бармену, чтобы повторил.

– Что, трудный день?

Я прикрыл глаза. Алкоголь кипятком разливался по венам, смывая раздражение и этические барьеры.

– Отнюдь. – Я повернулся и приветливо улыбнулся. Барышня оказалась очень милостивой, с какой-то многообещающей хитринкой в глазах. – Чем вас угостить?

Пока бармен, лихо подкидывая бутылки, смешивал коктейль, мы с девушкой светски беседовали о погоде, трассах и прочей отстраненной ерунде. К своему ужасу, из-за мерного шума в баре я так не расслышал ее имя: то ли Даша, то ли Маша, поэтому пришлось обращаться к ней проверенным универсальным именем: Красавица. Она вывалила

на меня массу ненужной информации о том, с кем здесь отдыхает, как часто сюда приезжает, чем занимается по жизни и чем хотела бы заниматься, но больше половины ее щебета я не воспринимал, думая лишь о том, когда мы наконец переместимся к ней или ко мне в номер и я наощупь смогу проверить упругость ее груди.

– ...и тогда он сказал, что если мою дипломную работу расширить и добавить еще пару выкладок об исследованиях на...

– Слушай, а у тебя окна в номере куда выходят? – перебил я. Девушка запнулась на полуслове.

– На долину. А что?

– Да просто я на третьем этаже живу, а прямо под окнами стоит огромная елка. Я так до сих пор и не увидел всей красоты пейзажа... Может, покажешь?..

Барышня все правильно поняла. Старательно сдерживая улыбку, она для приличия слегка смутилась и залепетала что-то про «как-то неудобно, у меня не прибрано», но я уже расплатился по счету и с полупоклоном стоял перед ней, протягивая руку.

Целоваться начали уже в лифте. В номер ввалились единым целым, и прямо в прихожей, не сняв даже куртки, я получил отличный минет.

И все вроде было прекрасно: барышня добросовестно выполнила спортивную программу, но и я, которую неделю находившийся на голодном сексуальном пайке, тоже выступил

достойно. Шесть-ноль за технику, пять-девять за артистизм.

Однако, проснувшись утром и увидев рядом с собой эту малознакомую женщину, я почувствовал какую-то брезгливость к самому себе: вот, докатился. Переспал с первой встречной из бара! Фи, поручик!

Это все Громова виновата. Она меня завела.

На завтрак я спустился в самом скверном настроении. Вик и Аня уже поели и собирались уходить, но, увидев меня, Вик остался.

– Чего такой пасмурный?

Я не ответил, жестом подозвал официанта и заказал кофе.

– Видел тебя вчера в баре с барышней. Вон она, кстати, – Вик посмотрел куда-то за мою спину, и я невольно втянул голову в плечи, чтобы казаться незаметным. – Что, не дала?

– И дала, и взяла, – пробормотал я. Вик восхищенно выдохнул.

– Так что же ты такой мрачный?!

– Надоело все. – Я сделал глоток кофе и поморщился. Эх, сейчас бы пива...

– Кольцов, женись, наконец, и будет тебе счастье.

– А ты счастлив?

– Очень.

– Просто у вас еще срок не подошел. Влюбленность – химический процесс, длится не более трех лет, так что...

– Напомню, что мы с Аней уже пять лет. Из них три – женаты. И чувства не потеряли своей остроты.

– Вик, перестань, меня сейчас вырвет, – я скривился, но над его словами задумался. – А на ком жениться?

– Олеська совсем не подходит?

– Да ну, что ты! После этой аферы с беременностью я ее ни видеть, ни слышать не хочу.

– Ну а эта, с которой ты треплешься ежевечерне по мобильному?

– Ну-у... – я отвел глаза. – Что, так слышно?

– Только когда ты ржешь, как конь.

– Может, я вообще не с женщиной разговариваю.

– Игорь! – Вик укоризненно покачал головой.

– Она слишком молода для брака.

– А для секса уже достаточно взрослая?

– Мы еще не спали. Но да – достаточно взрослая.

Вик удивленно вскинул брови.

– Как интересно.

– Я тебе не рассказывал о ней. Она... ну, в общем, мы недавно стали общаться, хотя... скажем так, варились в одной компании уже довольно давно, – я тщательно подбирал слова, пытаясь описать мои с Катей отношения и не выдать действительного положения дел. – И, как я уже заикался, между нами еще ничего не было... Ну, там поцелуи, потискаться в машине... И разговоры по телефону, да.

– И где ты ее... – Вик, видимо, хотел брякнуть «подцепил», но под моим хмурым взглядом осекся. – Угу... Дай подумать, – он посмотрел на потолок, – если вы варились в од-

ной компании, то это либо мы, то есть «Рингос», либо институт. Хм, а с кем же ты мог замутить в «Рингосе»?.. Разве что с Верочкой. Вряд ли. Тогда может...

– Она... – я прикрыл глаза, вдохнул полной грудью воздух, как перед прыжком в воду, и выпалил: – Да, она моя студентка.

Боже, как он ржал. Этот урод, не обращая внимания на косые взгляды постояльцев отеля, хохотал во все горло и помультяшному дубасил ладонью по столу. Он закатывал глаза и хватался за сердце. Показывал на меня пальцем и в изнеможении откидывался на стуле. Я терпеливо ждал.

– Блядь, Кольцов, – Вик утер тыльной стороной ладони выступившие слезы, – немедленно извиняйся за все то, что ты мне наговорил пять лет назад.

– Я уже извинялся сто раз.

– А вот теперь извиняйся в сто первый, но зато с полным осознанием дела.

– Извини. Я был не прав.

– Нет, не так! – Он продолжал периодически хихикать и смотрел на меня с каким-то превосходством. – Извиняйся так, чтобы я поверил, что ты, скотина, понял, какой скотиной тогда был.

Я не ответил. Я правда не знал, что сказать. Как объяснить, что и сейчас, сам вляпавшийся в это дерьмо, считаю такую связь неправильной.

Вик принял мои безмолвные извинения, снисходительно

Хмыкнув:

– Порадуй меня, скажи, что она первокурсница!

– Не дожدهшься.

– Младше?! С подготовительных курсов, что ли?

– Слушай, эти отношения и без твоих подъебов изрядно

подпортили мне жизнь, так что – отвали.

– Ну-ну.

– Я серьезно.

– Ладно, не буду тебя сейчас пытаться, но ты мне должен.

– Что я тебе должен?

– Должен рассказать *все*.

Я пожевал губу. Вик залпом допил чай и поднялся.

– Мы на какую трассу сейчас?

– Я... не знаю. Езжайте пока без меня. Я позвоню, как соберусь.

Он похлопал меня по плечу, еще раз хохотнул и скрылся в холле, а я заказал завтрак.

– Свободно? – Маша (Даша?), не дожидаясь разрешения, уселась на место Вика. В лыжном комбинезоне она выглядела едва ли не эффектнее, чем в нижнем белье. – Над чем это твой друг так потешался?

– Я сказал, что ты оказалась девственницей, – грубо пошутил я, но она оценила.

– Ты забавный. Мы с друзьями собираемся на четвертую очередь, хочешь с нами?

Четвертая очередь? Я посмотрел в окно – слишком облач-

но, на четвертой очереди не видно сейчас ни хрена. Экстремально. Предельная концентрация. Ни одной лишней мысли в голове.

– Нет, но спасибо за приглашение, – я постарался как можно теплее улыбнуться, хотя, скорее всего, получился кривой оскал.

Даша (Маша?) пожала плечами.

– Что ж, тогда увидимся вечером. – Она многообещающе подмигнула и ушла.

А я решил вообще сегодня не кататься.

После завтрака бесцельно побродил по заснеженной территории отеля, напился дармового глинтвейна на всю оставшуюся жизнь и, как в том анекдоте, – много думал. О жизни в целом, о Катке в частности. И чувствовал себя полным идиотом из-за вчерашнего разговора и, главное, из-за последующей ночи с этой Машей (Дашей... Блядь, да как ее зовут-то?!). А еще вспоминал события семилетней давности...

Когда в конце девяностых и без того нищенскую зарплату преподавателей урезали до горсти копеек в месяц, народ начал искать альтернативные способы зарабатывания денег и Вик предложил мне заняться сопровождением клиентов 1С. Язык программирования оказался несложным, запросы клиентов были пустяковыми, и вскоре мы на пару обслуживали несколько фирм, приносивших небольшой, но стабильный доход. Когда клиентов набралось больше двух десят-

ков и справляться вдвоем стало сложнее, мы сняли комнату в двушке недалеко от института, купили пять подержанных «Пентиумов», посадили за них более или менее способных, но неприкаянных в то смутное время выпускников нашего вуза, а чтобы хозяйка квартиры особенно не раздражалась, предложили ей неплохую прибавку к пенсии за должность секретаря на телефоне. Так образовался первый состав будущей фирмы «Рингос». И так мы проработали вплоть до приснопамятного августа 98-го года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.